

ДЖОН
ГОЛСУОРСИ

✦
Братство
Патриций
✧

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Джон Голсуорси
Братство. Патриций

«Издательство АСТ»

1909, 1911

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Голсуорси Д.

Братство. Патриций / Д. Голсуорси — «Издательство АСТ»,
1909, 1911 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-183791-4

Действие романа «Братство» разворачивается в Лондоне в начале XX века. Эксцентричный философ Сильванус Стоун работает над трудом «Книга о всемирном братстве», проповедующим идеи всеобщего равенства. Однако его собственные дети и внуки раз за разом разрушают наивные представления пожилого мечтателя о дружбе, чести и морали. Смогут ли новые поколения преодолеть классовые предрассудки или же стремление к роскоши, невежество и эгоизм восторжествуют? Также в данное издание вошел роман «Патриций», повествующий о наследнике знатной и богатой семьи, который вынужден выбирать между любовью и многообещающей политической карьерой.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-183791-4

© Голсуорси Д., 1909, 1911
© Издательство АСТ, 1909, 1911

Содержание

Братство	6
Глава I	6
Глава II	14
Глава III	20
Глава IV	24
Глава V	27
Глава VI	32
Глава VII	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

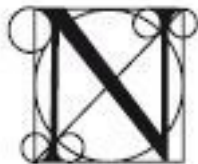
Джон Голсуорси Братство; Патриций

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского

Н. Дехтеревой («Братство»),

Р. Облонской («Патриций»)

© Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2026

© Перевод. Р. Облонская, наследники, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Братство

Глава I

Тень

Стоял последний день апреля 190... года, над Хай-стрит в Кенсингтоне далеко в вышине бурлило море рваных облачков. Воздушные пары, окутавшие почти весь небосвод, мягко клубились, надвигаясь на клочок голубого неба, по форме напоминающий звезду, – он сверкал, как одинокий цветок горечавки в гуще травы. Казалось, у каждого облачка – пара невидимых крыльев, и, как насекомые, летающие по твердо намеченным путям, облака упорно продвигались вперед, окружая цветок-звезду, который сиял ровным, ясным огнем из своего неподвижного далека. Справа они шли курчавыми стадами, тесня друг друга так, что очертания их стирались; слева они были выше, мощнее и, оторвавшись от своих собратьев, как будто вели атаку на уцелевший островок несказанного сверкания. Бесконечно было многообразие бесчисленных летящих облачков, неизменна и неподвижна была одинокая голубая звезда.

Внизу на улице, над которой шла эта вечная борьба мягкокрылых облаков с прозрачным эфиром, мужчины, женщины, дети и ближние их – лошади, собаки и кошки – с особым, весенним подъемом делали каждый свое обычное дело. Они двигались шумным потоком, и от их живой суеты поднимался ввысь неумолчный гул.

Пожалуй, теснее всего толпа была возле магазина Роза и Торна. Мимо нескончаемого ряда его дверей шли люди всех рангов, от высшего до низшего, а перед витриной с готовым платьем стояла довольно высокая, тонкая и стройная дама и думала: «Оно совсем голубое, цвета горечавки. Но может, мне все же не следует покупать его, когда вокруг такая нужда...»

Глаза ее, зеленовато-серые и часто принимающие скептическое выражение, чтобы не выдать тайных движений души, тщательно перебирали одно за другим качества платья, разложенного в витрине во всей своей соблазнительности.

«А что, если Стивну я в нем не понравлюсь?» Сомнение заставило даму зажать пальцами одетой в перчатку руки складку на груди блузки. И этот нервный жест выразил всю ее душу: желание иметь и страх перед обладанием, жажда жить и страх перед жизнью; вуаль, спускаясь с нешироких полей шляпы, прикрывала чуть расплывчатые черты, слишком высокие скулы и слегка впалые щеки – как видно, время целовало их довольно крепко.

Стоявший на тротуаре старик с длинным лицом, глазами в красных ободках, как у попугая, и носом неестественного цвета заметил даму и вынул изо рта пустую трубку. Ему разрешилось продавать здесь «Вестминстерскую газету» при обязательном условии, что он будет делать это только стоя.

Знать всех прохожих – это было частью его профессии, а также служило развлечением, так как помогало ему забывать о больных ногах. Высокая дама с изящным лицом вызывала в нем недоумение. Она иногда покупала у него газету, продавать которую, вопреки своим политическим убеждениям, он был обречен судьбой. Такая особа, дама из общества, должна была бы, конечно, покупать газеты, выпускаемые тори. Настоящую леди он уж сразу отличит. Дело в том, что прежде чем жизнь вышвырнула его на улицу, наградив болезнью, на лечение которой ушли все его сбережения, он служил старшим лакеем и к людям «благородным» испытывал чувство почтительности, столь же неискоренимое, как и недоверие к тому сорту людей, «которые покупают себе вещи вот в этих вот огромных магазинах» и «устраивают танцульки по подписке – там вон, в этом... муниципалитете». Он наблюдал за дамой с особым интересом, хотя вовсе не старался привлечь ее внимание, остро сознавая в то же время, что успел продать всего

лишь пять газет утреннего выпуска. Он удивился и расстроился, когда дама вдруг скрылась, войдя в одну из многочисленных дверей магазина.

Соображения, побудившие даму войти в магазин Роза и Торна, были следующие: «Мне тридцать восемь, у меня семнадцатилетняя дочь. Я не должна терять привлекательности в глазах моего мужа, этого допускать нельзя. Подошло время, когда необходимо особенно тщательно заниматься своей внешностью».

Перед длинным трюмо, в сверкающей глубине которого ежегодно купались сотни полуобнаженных тел и на гладкой поверхности которого ежедневно отражался десяток душ, совершенно обнаженных, глаза дамы приобрели холодный блеск стали. Но когда выяснилось, что платье цвета горечавки придется ушить в груди на два дюйма, в талии на дюйм и в бедрах на три, а подол на дюйм отпустить, они снова затуманились сомнением, как если бы обладательница их уже готова была отказаться от принятого решения. Вновь надевая блузку, она спросила:

– Когда я смогу его получить?

– В конце недели, мадам.

– Не раньше?

– Как раз сейчас у нас много спешной работы, мадам.

– Пожалуйста, постарайтесь непременно переделать его не позднее четверга.

Продавщица, примерявшая платье, вздохнула:

– Хорошо, я постараюсь.

– Я рассчитываю на вас. Мой адрес: Олд-сквер, дом семьдесят шесть. Миссис Стивн Даллисон.

Спускаясь по лестнице, она подумала: «У бедняжки такой усталый вид. Просто позор, что их заставляют работать по столько часов» – и вышла на улицу.

Позади нее послышался робкий голос:

– «Вест-министерскую», мадам?

«Это тот бедняга старик с таким безобразным носом, – вспомнила Сесилия Даллисон. – Право, мне совершенно незачем...» – И она стала рыться в сумочке, ища мелкую монету. Рядом с «беднягой стариком» стояла женщина в опрятном черном платье и небольшой, очень поношенной шляпке, когда-то, очевидно, украшавшей более изящную голову; ее шею обвивала узкая, вся вытершаяся меховая горжетка. Несколько изможденное лицо женщины было не лишено тонкости, карие глаза смотрели ясно и кротко, гладкие черные волосы были стянуты в пучок. Рядом с ней стоял худенький мальчуган, на руках она держала младенца. Миссис Даллисон протянула два пенса за газету, глядя, однако, не на старика, а на женщину.

– А мы вас ждали, миссис Хьюз, – проговорила Сесилия. – Мы думали, вы придете подрубить портьеры.

Женщина прижала к себе младенца:

– Простите, мэм, я обещала, но... у меня такие неприятности...

Сесилия сдвинула брови:

– Вот как!

– Это все из-за мужа.

– Ах, боже мой! – пробормотала Сесилия. – Но почему вы все-таки не пришли к нам?

– Я не могла, мэм, право, не могла...

По щеке у нее скатилась слеза и задержалась в морщинке у рта.

– Да-да, разумеется, – торопливо проговорила миссис Даллисон. – Очень вам сочувствую.

– Вот этот старый джентльмен, мистер Крид, живет в том же доме, что и мы, он хочет поговорить с моим мужем.

Старик закивал головой, сидящей на длинной, тощей шее.

– Ему следовало бы вести себя приличнее, – сказал он.

Сесилия взглянула на него и пробормотала:

– Лично вам, надеюсь, он ничего не сделает.

Старик пошаркал ногами.

– Я ни с кем не хочу ссориться, ну а если он вздумает со мной безобразничать, я мигом напушу на него полицию... «Вест-министерскую», сэр? – И, прикрыв от миссис Даллисон рот ладонью, произнес громким шепотом: – Казнь убийцы из Шордитча!

Сесилию вдруг охватило неприятное ощущение, будто все вокруг прислушиваются к ее разговору с этими двумя малопрезентабельными людьми.

– Право, миссис Хьюз, не знаю, что я смогу для вас сделать. Я поговорю с мистером Даллисоном и с мистером Хилери также.

– Да, мэм, спасибо, мэм.

С улыбкой, как будто самое себя осуждающей, Сесилия подобрала юбки и перешла через дорогу. «Надеюсь, я выразила достаточно сочувствия», – подумала она, оглянувшись на три фигуры, стоявшие у обочины тротуара. Старик с газетами, вздернувший кверху свой безобразный нос под очками в железной оправе, швея в черном платье, худенький мальчуган... Не произнося ни слова, не шевелясь, они смотрели прямо перед собой на оживленную улицу, и вид их вызвал в душе Сесилии протест. Во всех троих было что-то безнадежное, жалкое, неэстетичное...

«Ну чем поможешь женщинам, которые всегда так вот выглядят? – думала она. – И этот бедняга старик... Наверно, мне все же не следовало покупать нового платья, но Стивну так надоело мое теперешнее...»

Она свернула с главной улицы, прошла по другой, доступной только для пешеходов и экипажей, и остановилась подле невысокого длинного дома, почти скрытого деревьями палисадника.

То был дом Хилери Даллисона, брата ее мужа, а также мужа Бианки, родной ее сестры.

Сесилии вдруг пришла в голову курьезная мысль: дом явно похож на самого Хилери! Добрый, неуверенный вид, светло-коричневый тон... Верхние наличники, брови окон, скорее прямые, чем изогнутые, и окна – глубоко сидящие глаза, гостеприимно поблескивают... Негустаная вьющаяся зелень – словно борода и усы, а пятна кое-где на стенах – морщины на лице тех, кто слишком много думает. Сбоку дома, отдельно от него, хотя и соединенное с ним крытым ходом, стояло оштукатуренное строение, покрашенное в лиловато-синий цвет и с черной дубовой дверью, – в целом оно производило впечатление чего-то жесткого, неподатливого, очень под стать Бианке, которая занималась там живописью. Студия, казалось, глядела на дом, откровенно заявляя, что не желает слишком тесного с ним соседства и вообще не способна к какому бы то ни было сближению. Сесилии, которую постоянно тревожили отношения между сестрой и деверем, все это вдруг показалось весьма знаменательным и символичным.

Но, не желая поддаваться фантазиям, которые, как учил ее опыт, могут завести слишком далеко, она быстро зашагала по выложенной каменными плитами дорожке к дому. У входа, подле самой двери, лежал маленький серебристый бульдог – особа женского пола – из породы комнатных собачек; подняв агатовые глаза, собака деликатно завилыла хвостом, похожим на шнур сонетки, – так она встречала каждого, ибо предки ее от поколения к поколению становились все «породистее» и серебристее, так что в ней оказались уже вовсе утрачены достоинства, присущие настоящим бульдогам – собакам, которыми травили быков.

Миссис Даллисон позвала: «Миранда!» – и хотела было погладить эту четвероногую дочь дома, но собачонка уклонилась от ее ласк: она тоже предпочитала не заходить слишком далеко...

Понедельник был приемным днем Бианки, и Сесилия направилась к студии. Большое, с высокими потолками помещение было полным-полно народу.

У самой двери одиноко и неподвижно стоял очень худой, сильно сгорбленный старик с седыми волосами и негустой седой бородкой, которую он сгреб в горсть своими прозрачными пальцами. На нем был дымчато-серый, из грубого твида костюм, от которого попахивало золой, и свободного покроя рубашка – воротник ее, слишком низкий, выставлял напоказ тощую коричневую шею; брюки же были чересчур коротки, и из-под них виднелись светлые носки. В позе старика было нечто заставлявшее вспомнить терпеливое упорство мула. Он взглянул на подходящую к нему Сесилию. Сразу становилось понятным, почему в комнате, битком набитой народом, он стоит в стороне, один; его голубые глаза глядели так, будто он вот-вот начнет пророчествовать.

– Мне рассказали о казни, – проговорил он.

У Сесилии вырвался нервный жест.

– Ну и что, папа?

– Посягательство на жизнь ближнего было отличительной особенностью темного, бессмысленного варварства, все еще преобладавшего в те дни, – продолжал старик, и, хотя в голосе его чувствовалось подлинное волнение, казалось, будто он говорит сам с собой. – Оно явилось порождением самого нерелигиозного из фетишей – веры в бессмертие отдельной личности. Поклонение этому фетишу и породило все скорби человечества.

Сесилия сделала произвольное движение, и сумочка в ее руках дрогнула.

– Папа, ну как ты можешь?..

– Они уже не считали нужным любить друг друга в земной жизни, они были уверены, что для этого у них впереди вечность. Доктрину эту придумали для того, чтобы можно было вести себя подобно зверям и не испытывать угрызений совести. Любовь не могла дать настоящих плодов до тех пор, пока доктрина эта оставалась непровергнутой.

Сесилия поспешно огляделась. Нет, никто не слышал. Она отошла немного в сторону и смешалась с группой гостей. Губы ее отца продолжали шевелиться. Он снова принял терпеливую позу, вызывающую смутное воспоминание о мулах.

Чей-то голос позади нее произнес:

– Нет, право, миссис Даллисон, ваш отец удивительно интересный человек!

Сесилия обернулась и увидела даму среднего роста с прической в духе раннего итальянского Возрождения и очень маленькими темными шустрыми глазками; они смотрели так, будто любовь этой дамы к жизни заставляла ее жадно поглощать и каждую минуту своего собственного времени, и все те минуты чужого времени, которыми ей удавалось завладеть.

– Ах, это вы, миссис Таллентс-Смолпис? Здравствуйте! Я все собираюсь заглянуть к вам, но вы ведь, конечно, всегда так заняты...

Сесилия смотрела на миссис Таллентс-Смолпис и приветливо, и настороженно, своим заранее шутливым тоном как будто ограждая себя от шуток собеседницы. Миссис Таллентс-Смолпис, которую она уже несколько раз встречала у Бианки, вдова известного знатока-коллекционера, состояла секретарем «Лиги воспитания круглых сирот», вице-президентом общества «Огонек надежды для девушек в затруднительном положении» и казначеем общества «Танцевальные четверги для девушек-тружениц». Она, по-видимому, знала всех, кого стоило знать, и еще многих других, успевала посетить все выставки, услышать всех музыкантов-исполнителей и побывать на всех премьерах. Что касается литературы, то миссис Таллентс-Смолпис не раз признавалась, что писатели нагоняют на нее скуку; впрочем, она всегда готова была оказать им дружескую услугу, устраивая им у себя встречи с издателями и критиками, а порой, хотя об этом мало кто знал, ссужала их и деньгами, чтобы выволить из «затруднений», в которые они то и дело попадали, но уж после этого, по собственному ее признанию, она обычно их больше в глаза не видела.

Для миссис Стивн Даллисон эта дама была существом особым, она как бы являлась рубежом между теми из друзей Бианки, которых она была бы весьма рада принимать и у себя,

и теми, которых ей принимать не хотелось, ибо Стивн, адвокат, занимающий видное служебное положение, больше всего боялся показаться смешным. Так как Хилери писал книги и был поэтом, а Бианка занималась живописью, все их друзья, естественно, были людьми или интересными, или странными, но, хотя ради Стивна было важно определить, к какой из этих категорий отнести то или иное лицо, чаще всего оно принадлежало к обеим. В небольшой дозе такие люди действовали приятно-возбуждающе, но из-за мужа и дочери Сесилия отнюдь не желала, чтобы они ходили к ней в дом толпами. Они вызывали в ней сладкое замирание сердца, похожее на то ощущение, с каким она покупала «Вестминстерскую газету», чтобы почувствовать биение пульса общественного прогресса: и приятно, и немного страшно.

Темные глазки миссис Таллентс-Смолпис сверкнули.

– Я слышала, что мистер Стоун – ведь, кажется, так зовут вашего отца? – пишет книгу, которая должна своим выходом в свет произвести настоящую сенсацию.

Сесилия прикусила губу. «Надеюсь, она никогда не увидит света», – чуть не сказала она вслух.

– Как называется его книга? – спросила миссис Таллентс-Смолпис. – Мне помнится, это что-то о всемирном братстве – так мило!

У Сесилии вырвался досадливый жест.

– Кто рассказывал вам об этом?

– Ах! – воскликнула миссис Таллентс-Смолпис. – Вашей сестре всегда удается залучить на свои понедельники таких милых, занимательных людей! Они так живо всем интересуются!

Удивляясь самой себе, Сесилия ответила:

– Даже слишком, по-моему.

Миссис Таллентс-Смолпис улыбнулась:

– Я имею в виду интерес к искусству и социальным вопросам. Я полагаю, тут не может быть ничего «слишком», не правда ли?

– Нет-нет, разумеется, нет, – поспешила ответить Сесилия.

Обе дамы огляделись. До ушей Сесилии доносился гул голосов:

– Вы видели «Последствия»? Чудесная вещь!

– Бедняга, у него такой отсталый вкус...

– Появился новый гений...

– Она так искренне сочувствует...

– Но положение неимущих классов...

– Кажется, это мистер Бэлидайс? Право же...

– Это дает вам такое острое ощущение жизни...

– Буржуа!..

Голос миссис Таллентс-Смолпис врезался в этот многоголосый хор:

– Скажите мне, ради бога, кто это юное создание, рядом с молодым человеком – вон там, возле картины. Девочка совершенно очаровательна!

Щеки Сесилии приятно порозовели.

– Это моя дочурка.

– Да неужели? У вас такая взрослая дочь? Но ведь ей, должно быть, лет семнадцать?

– Скоро восемнадцать.

– Как ее зовут?

– Тайми, – ответила Сесилия, чуть улыбнувшись. Она ждала, что миссис Таллентс-Смолпис сейчас скажет: «Очаровательно!»

Миссис Таллентс-Смолпис заметила улыбку и сделала паузу.

– А кто этот юноша с ней?

– Мой племянник, Мартин Стоун.

– Сын вашего брата, который погиб вместе с женой во время того несчастного случая в Альпах? У молодого человека очень решительный вид. Вполне современен. Чем он занимается?

– Он уже почти врач. Не знаю толком, получил он диплом или еще нет.

– А я было подумала, что он имеет какое-то отношение к искусству.

– О нет, он презирает искусство.

– А ваша дочь тоже презирает искусство?

– Нет, она его изучает.

– Да что вы! Как интересно! Я нахожу, что подрастающее поколение чрезвычайно забавно, – как вы считаете? Они такие независимые!

Сесилия с некоторым беспокойством поглядела на «подрастающее поколение». Молодые люди стояли рядом возле большой картины, как-то ото всех в стороне; они обменивались взглядами и краткими замечаниями и с юношеской бесцеремонностью, даже почти враждебно, разглядывали циркулировавших по комнате людей, которые болтали, раскланивались, улыбались. У молодого человека было бледное, гладко выбритое лицо, волевой подбородок, длинный прямой нос, шишковатый лоб, ясные серые глаза; саркастически сложенные губы были тверды и подвижны. Он смотрел на гостей со смущающей прямоотой. На девушке было голубовато-зеленое платье. Она была прелестна: живые серо-карие глаза, свежий цвет лица, пушистые волосы цвета спелого ореха.

– Та картина, возле которой они стоят, ведь это «Тень», работа вашей сестры? – спросила миссис Таллентс-Смолпис. – Я помню, я видела ее на Рождество, помню и маленькую натурщицу, которая послужила моделью, – очень привлекательный типаж! Ваш деверь рассказывал мне, какое участие вы все в ней принимаете. Она, кажется, упала в обморок от недоедания, когда пришла в первый раз на сеанс, – как это романтично!

Сесилия ответила что-то невнятное. Руки ее нервно двигались, ей было не по себе.

Но все эти признаки беспокойства ускользнули от внимания миссис Таллентс-Смолпис: глаза ее были заняты другим.

– В нашем «Огоньке надежды» я, конечно, вижу много девушек, попавших в щекотливое положение, – буквально на краю... вы понимаете? Миссис Даллисон, вы непременно должны войти в наш «Огонек надежды». Это серьезная и увлекательная работа.

Сомнение в глазах Сесилии стало еще более очевидным.

– О, я в том уверена, – сказала она. – К сожалению, у меня так мало времени...

Но миссис Таллентс-Смолпис продолжала:

– Мы живем в чрезвычайно интересное время, не правда ли? Столько различных новых течений! Это так захватывает. Мы все чувствуем, что больше уже нельзя закрывать глаза на стоящие перед нами социальные проблемы. Взять хотя бы условия жизни бедноты – одного этого достаточно, чтобы вас по ночам преследовали кошмары!

– Да, – сказала Сесилия, – конечно, это ужасно.

– Политические деятели и чиновники – совершенно безнадёжные люди, от них ждать нечего.

Сесилия выпрямилась:

– Вы так думаете?

– Я только что разговаривала с мистером Бэлидайсом. Он утверждает, что искусство и литература должны быть поставлены на совершенно новую основу.

– Вот как? Это вон тот забавный человечек?

– По-моему, он феноменально умен.

– Да-да, я знаю, знаю, – быстро ответила Сесилия. – Разумеется, необходимо что-то сделать.

– Все мы, по-видимому, так считаем, – сказала миссис Таллентс-Смолпис несколько рассеянно. – Ах да, я хочу спросить вас. Я тут побеседовала с восхитительным субъектом – знаете, из тех, каких видишь в Сити, – их там тысячи, и они все в таких добротных черных пальто. Познакомиться с подобным человеком в наши дни – редкость. Очень освежающе действует – у них такие простые, бесхитростные взгляды! Вот он, стоит как раз позади вашей сестры.

Нервный жест, вырвавшийся у Сесилии, подтвердил, что она узнала человека, на которого указывала миссис Таллентс-Смолпис.

– А, это мистер Пэрси. Понять не могу, почему он у нас бывает.

– Он просто восхитителен, – проговорила миссис Таллентс-Смолпис мечтательно.

Ее темные глазки, словно пчелы, полетели снимать мед с этого нового цветка – широкоплечего мужчины среднего роста, одетого очень тщательно и чувствующего себя, как видно, не совсем в своей тарелке. На губах его, украшенных усами, застыла улыбка; жизнерадостная физиономия была румяна, лоб не отличался ни чрезмерной высотой, ни шириной, но челюсть была внушительная. Волосы у него были светлые и густые, глаза серые, маленькие и пронизательные. Он рассматривал какую-то картину на стене.

– Нет, право же, он восхитителен, – повторила миссис Таллентс-Смолпис негромко. – Он, оказывается, даже не подозревает о существовании такой проблемы, как проблема неимущих классов.

– Он вам рассказывал, что купил картину? – спросила Сесилия мрачно.

– О да, работы Гарпиньи, с ударением на «пи». Картина стоит втрое дороже того, что он за нее отдал. Так приятно, когда тебя вдруг заставляют почувствовать, что еще существует множество людей, все на свете измеряющих деньгами.

– А он не цитировал вам изречение моего деда Карфэкса на процессе Бэнстока? – спросила Сесилия вполголоса.

– Ну как же: «Человека, который сам не знает, чего хочет, следовало бы силой парламентского закона объявить ирландцем». Мистер Пэрси добавил, что это «здорово сказано».

– Это на него похоже.

– Он вас, кажется, несколько раздражает?

– Да нет, я считаю его вполне порядочным человеком. И мы обязаны быть с ним любезны: он оказал моему отцу услугу – так, во всяком случае, полагает он сам. Таким образом и завязалось наше знакомство. Только его аккуратные визиты несколько утомительны. Он все же действует на нервы.

– Ах, вот это в нем и забавно! Ему-то ведь никто и никогда не подействует на нервы. Мне кажется, у нас уж слишком много нервов, как вы считаете? А вот и ваш деверь. Какая интересная внешность! Мне бы хотелось поговорить с ним об этой маленькой натурщице. Она ведь, кажется, из деревни, да?

Миссис Таллентс-Смолпис повернула голову навстречу высокому, чуть сутулому мужчине с лицом худым и смуглым, с небольшой бородкой, – он только что вошел в комнату. Она не заметила, как Сесилия вдруг вспыхнула и поглядела на нее почти сердито. Высокий мужчина подошел к Сесилии, коснулся ее рукава и сказал мягко:

– Здравствуй, Сесси. Стивна еще нет?

Сесилия отрицательно покачала головой:

– Хилери, ты ведь знаком с миссис Таллентс-Смолпис?

Высокий мужчина поклонился. В его карих, глубоко сидящих глазах светились застенчивость и доброта; брови, почти все время находящиеся в движении, придавали лицу выражение и строгое, и капризное. Темные волосы были тронуты сединой, на губах то и дело играла добрая улыбка. Держался он скромно, без тени позерства, – он почти стушевывался. Кисти рук у него были длинные, тонкие, смуглые. В костюме его не было ничего примечательного.

– Я оставлю вас одних, миссис Таллентс-Смолпис хочет побеседовать с тобой, Хилери.

Группа гостей, окруживших мистера Бэлидайса, не дала, однако, Сесилии отойти далеко, и голос миссис Таллентс-Смолпис долетал до ее ушей.

– Мы как раз говорили о маленькой натурщице, мистер Даллисон. С вашей стороны было так гуманно принять участие в жизни девушки. Не могло бы и наше общество оказаться для нее чем-нибудь полезным?

У Сесилии был отличный слух, и она уловила тон, каким ответил Хилери:

– Благодарю вас, но думаю, что в этом нет необходимости.

– Мне просто пришло в голову, что, быть может, вы сочтете нужным, чтобы наше общество... Позировать художникам – не очень-то подходящая профессия для молодой девушки.

Сесилия увидела, что затылок и шея у Хилери побагровели. Она отвернулась.

– Конечно, многие натурщицы вполне порядочные девушки, – продолжала миссис Таллентс-Смолпис. – Я вовсе не хочу сказать, что все они непременно... если у них сильная воля и характер... и в особенности, если они не позируют обнаженными.

Сесилия услышала сухой, четкий ответ Хилери:

– Благодарю вас, вы очень любезны.

– Разумеется, если нет необходимости... В картине вашей жены, мистер Даллисон, столько тонкости, такой интересный типаж!

Сама не зная, как это произошло, Сесилия вдруг очутилась возле этой самой картины. Словно попав в немилость, холст стоял несколько повернутым к стене, а изображена была на нем девушка во весь рост, погруженная в глубокую тень, – она простирала руки вперед, как будто моля о чем-то. Глаза ее смотрели прямо на Сесилию, сквозь полуоткрытые губы, казалось, шло живое дыхание. Светло-голубой цвет глаз, светло-красный – полураскрытых губ и светло-коричневый цвет волос были единственными более или менее яркими пятнами во всей картине. Остальное уходило в тень. Передний план был освещен как бы светом от уличного фонаря.

«Глаза и рот этой девушки преследуют меня, – подумала Сесилия. – И что это Бианке вздумалось брать такой сюжет? Но правда, вещь получилась тонкая – для такого человека, как Бианка».

Глава II

Семейный разговор

Брак Сильвануса Стоуна, профессора естественных наук, с Анной, дочерью судьи Карфэкса из известного дворянского рода – Карфэкс из Спринг-Динз в Гемпшире, – был зарегистрирован в шестидесятых годах. В последующие три года в кенсингтонскую церковную книгу были занесены одна за другой записи о крещении Мартина, Сесилии и Бианки, сына и дочерей Сильвануса и Анны Стоун, как если бы лицо, причастное к их появлению на свет, упорно преследовало одну лишь эту цель. Дальнейших записей о крещении не было нигде, словно упорство это натолкнулось вдруг на препятствие. Но в той же церковной книге за восьмидесятые годы имеется запись о погребении «Анны, п^е^е¹ Карфэкс, жены Сильвануса Стоуна». Для посвященных эти два слова «п^е^е Карфэкс» таили в себе особый смысл. Они не только говорили все самое главное о матери Сесилии и Бианки, но каким-то особым, трудноуловимым образом также и все самое главное о них обеих, включая ускользающий, обороняющийся взгляд их ясных глаз: хотя в семье о них говорили как о «глазах Карфэкс», в действительности они были унаследованы ими отнюдь не от старого судьи Карфэкса. Такие глаза были у его жены, и они постоянно вызывали у него, человека твердого характера, чувство досады. Он всегда знал, чего добивается, и не забывал дать почувствовать это окружающим; жене он частенько напоминал, что она женщина непрактичная и сама не знает, чего хочет; все доходы, получаемые им на службе закону, судья сберегал для своего потомства. Если бы он дожил до того времени, в которое жили его внуки, он был бы неприятно поражен. Как очень многим способным людям его поколения, ему, человеку, в житейских делах дальновидному, и в голову не приходило, что у потомков таких вот людей, как он, скопивших богатства для детей своих детей, могут развиться совершенно новые качества: склонность медлить, без конца взвешивать за и против, очень долго глядеть вперед и не становиться одной ногой на землю, прежде чем шагнуть другой. Он никак не мог предвидеть, что топтание на месте станет искусством, что, прежде чем отважиться на какой-нибудь поступок, люди захотят полной гарантии его необходимости и что они будут считать совершенно невыносимым и даже глупым делать то, что могло бы полностью разрешить тот или иной вопрос. Будучи всю свою жизнь человеком действия, он не сумел предугадать, что у людей появится новый инстинкт: действовать – значит как-то связывать себя; если даже то, что ты имеешь, и не совсем то, чего бы ты хотел, – то, чего у тебя нет, будет столь же скверно (если оно тебе достанется). Он не знал, что такое неверие в себя, его поколению это было несвойственно, и, обладая лишь очень слабым воображением, не подозревал, что, готовя своим потомкам возможность обеспеченного досуга, он вместе с тем подготавливает основу для развития в них этих новых качеств.

Из всех, кто в тот вечер находился в студии его внуки, мистер Пэрси, эта приبلудная овца, был, пожалуй, единственным, чьи суждения он счел бы здоровыми. Никто не накапливал состояния для мистера Пэрси, он сам с двадцати лет наживал деньги.

Как знать, быть может, именно то обстоятельство, что он был здесь не совсем у места, и заставило этого гостя Бианки задержаться в студии, когда другие уже разошлись, а возможно, он просто думал, что чем больше будет вращаться в артистическом обществе, тем больше приобретет лоска. Вероятнее всего, причиной было это последнее соображение, ибо обладание картиной Гарпиньи, и довольно хорошей, которую он купил совершенно случайно и подлинную ценность которой так же случайно узнал, стало в жизни мистера Пэрси фактом, поставившим его в особое положение среди всех его друзей. Тех больше привлекали корректные пей-

¹ Урожденная (*фр.*).

жажи членов Королевской академии и портреты юных леди в костюмах восемнадцатого века – в пышном цветнике или верхом на лошади. Младший компаньон в одном довольно солидном банковском предприятии, он жил в Уимблдоне, откуда ежедневно приезжал в собственном автомобиле. Именно этому он и был обязан своим знакомством с семьей Даллисонов. Однажды, велев своему шоферу подождать у западных ворот Кенсингтонского сада, он шел по Роттен-Роу, как часто делал, возвращаясь домой, чтобы лишний раз встретиться с кем-нибудь из знакомых. В тот день прогулка оказалась почти безрезультатной. Никто из сколько-нибудь значительных лиц не попался ему на пути. Разочарованный и жаждущий хоть какого-нибудь развлечения, он, уже в Кенсингтонском саду, вдруг набрел на старика, который бросал птицам корм из бумажного пакета. Завидев мистера Пэрси, птицы улетели прочь, и он подошел к старику принести извинения.

– Простите, сэр, я, кажется, разогнал ваших птиц, – начал он.

Старик в дымчато-сером костюме, от которого исходил острый запах золы, взглянул на него, но ничего не ответил.

– Боюсь, что птицы увидели, как я подходил, – снова начал мистер Пэрси.

– В те дни птицы боялись людей, – ответил странный незнакомец.

Проницательный мистер Пэрси сразу сообразил, что перед ним чудак.

– А, ну да, конечно, – сказал он. – «В те дни» – это вы имеете в виду настоящее время. Забавно сказано. Ха-ха-ха!

Старик ответил:

– Чувство страха неразрывно связано с первобытным состоянием братоубийственного соперничества.

Заявление это заставило мистера Пэрси насторожиться.

«Старик немного того, – подумал он. – Совершенно очевидно, что одному ему разгуливать незачем». Он стал думать, что лучше: поторопиться обратно к своему автомобилю или остаться на случай, если вдруг окажется необходимой его помощь. Мистер Пэрси был человеком мягкосердечным и верил в свою способность «улаживать дела». Заметив некую тонкость, или, как он сам потом определил, «изысканность», в лице и во всем облике старика, он решил по мере сил помочь ему. Они продолжали прогулку вместе. Мистер Пэрси искоса поглядывал на своего нового знакомого и незаметно направлял путь туда, где поджидал его шофер.

– Вы, как я вижу, большой любитель птиц, – сказал мистер Пэрси осторожно.

– Птицы – наши братья.

Ответ этот окончательно убедил мистера Пэрси в правильности его диагноза.

– У меня тут неподалеку стоит автомобиль, – сказал он. – Давайте-ка я отвезу вас домой.

Новый, но старый годами знакомец, казалось, не слышал; губы его шевелились, будто он рассуждал сам с собой.

– В те дни поселения людей называли грачевниками, – услышал вдруг мистер Пэрси. – Это едва ли справедливо в отношении грачей, таких красивых птиц.

Мистер Пэрси поспешно тронул его за рукав:

– Вон там моя машина, сэр. Я довезу вас до дому.

Впоследствии мистер Пэрси так передавал этот эпизод: «Старик, надо сказать, отлично знал свой адрес, но, провалившись я на этом месте, если он заметил, что я усадил его в авто – в мой «Дэмайер-А-прим» – и везу по этому адресу. Вот таким образом я и завел знакомство с Даллисонами. Хилери Даллисон – писатель, вы знаете, а она рисует в довольно современной манере. Она без ума от Гарпины. Ну так вот, когда я привез старика, Даллисон был в саду. Я, конечно, лишнего не сказал, чтоб зря чего не ляпнуть, только объяснил: «Этот джентльмен, говорю, плутал по парку, ну я и подвез его в своей машине». И представьте себе, оказалось, старик-то – ее отец! Даллисоны были очень-очень мне признательны. Премилые люди, но уж

очень, что называется, *fin de siècle*², как все эти профессора и художники-мазилы. Водятся с самой разношерстной публикой, с самыми что ни на есть передовыми и со всякими чудаками и вечно болтают о «неимущих классах», и разных там обществах, и о новых учениях, и о прочей такой материи».

Хотя после этого мистер Пэрси уже несколько раз заезжал к Даллисонам, они не захотели лишать его приятной иллюзии относительно совершенного им «доброе поступка», и он так и не узнал, что привез домой не помешанного, как он воображал, но всего лишь философа.

Входя в тот день в студию Бианки, он несколько оторопел, увидев у самых дверей мистера Стоуна. После того случая в Кенсингтонском саду мистер Пэрси неоднократно виделся с ним и знал, что старик пишет книгу, но он все же был склонен думать, что как-то странно встречать такого чудака в обществе. Он тотчас принялся рассказывать мистеру Стоуну о казни убийцы из Шордитча, все, что сам вычитал об этом в вечерних газетах. То, как мистер Стоун отнесся к его рассказу, еще больше укрепило первое впечатление мистера Пэрси. Когда гости разошлись и остались только мистер и миссис Стивн Даллисоны, мисс Даллисон, «эта прехорошенькая девица», да еще молодой человек, «тот, что за ней волочится», мистер Пэрси подошел к хозяйке дома, рассчитывая мирно с ней побеседовать. Она стояла и слушала его – весьма благовоспитанная дама, – и только в улыбке ее чуть мелькала обычная для нее острая насмешливость, что делало Бианку в глазах мистера Пэрси хотя и «очень-очень эффектной дамой, но немного...» Он недоговаривал, потому что требовался более тонкий, чем он, психолог, чтобы определить эту внутреннюю дисгармонию, несколько портившую красоту Бианки. И оттого, что в ней было слишком бурное скрещение разных кровей, и оттого, что среда была слишком мало для нее подходящей, и еще по многим другим причинам дисгармония эта проступала особенно резко. Те, кто знал Бианку Даллисон лучше, чем мистер Пэрси, отлично понимали, какой неподатливый, гордый дух владеет ее красотой, которая иначе была бы беспорной.

Она была несколько выше Сесилии, и чуть полнее, и более изящна. Волосы у нее были темнее, глаза также, и посажены глубже, скулы выше, цвет лица ярче. Вероятно, сам дух века – Дисгармония – стоял над ее колыбелью, если девочке с такой темной, живой окраской дали имя Бианка³.

Мистер Пэрси был не из тех, кто лишает себя удовольствий из-за каких-то эмоциональных тонкостей. Она была «эффектной дамой», и благодаря картине Гарпины между ними существовал некий контакт.

– Мы с вашим отцом, миссис Даллисон, плохо понимаем друг друга, – начал он. – Взгляды на жизнь у нас, как видно, разные.

– Да что вы! – рассеянно проговорила Бианка. – А я полагала, что вы должны бы отлично ладить.

– Он немного... как бы это выразиться? От него, пожалуй, немного отдает Библией, – заметил мистер Пэрси деликатно.

– Мы разве никогда не говорили вам, что мой отец до болезни был довольно известным ученым? – сказала Бианка негромко.

– Вот оно что! – проговорил мистер Пэрси, несколько озадаченный. – Тогда понятно. А вы знаете, миссис Даллисон, мне думается, из всех ваших картин та, которую вы назвали «Тень», самая удачная. Что-то есть в ней такое, что хватает за душу. Я помню ту миленькую девицу, вашу натурщицу – она была у вас на Рождество, – очень она у вас на картине похожа вышла.

Выражение лица Бианки изменилось, но мистер Пэрси обычно не замечал подобных мелочей.

² Конец века; декадентский (*фр.*).

³ Бианка – белая (*ит.*).

– Надеюсь, вы меня известите, если вздумаете расстаться с этой картиной, – продолжал он. – То есть я хочу сказать, что буду рад приобрести ее. Я думаю, со временем она будет стоить уйму денег.

Бианка промолчала, и мистер Пэрсси вдруг почувствовал себя несколько неловко.

– Ну, мой авто ждет меня, – сказал он. – Мне пора. Да, в самом деле пора.

Пожав руку всем по очереди, он ушел.

Когда дверь за ним закрылась, раздался всеобщий вздох облегчения. Некоторое время все молчали. Первым заговорил Хилери:

– Давай закурим, Стивн, если Сесси не возражает.

Стивн зажал папиросу губами; усов он не носил, а уголки его губ были приподняты в постоянной улыбке, готовой уничтожить в зародыше все, что могло бы заставить его почувствовать себя смешным.

– Уф! Наш приятель Пэрсси становится несколько утомительным, – сказал он. – Кажется, что он носит с собой всю пошлость мира.

– Он очень славный, – заметил Хилери вполголоса.

– Но тяжеловат, право же.

У Стивна Даллисона было такое же длинное и узкое лицо, как у Хилери, но сходство между братьями было небольшое. Глаза Стивна, хотя и не злые, смотрели гораздо более остро, пылливо и трезво, волосы были темнее и глаже.

Выпустив изо рта папиросный дым, он добавил:

– Вот кто мог бы дать тебе хороший здравый совет, Сесси. Самый подходящий для этого человек, тебе следовало бы обратиться к нему.

Сесилия, нахмурясь, ответила:

– Перестань дразнить меня, Стивн. Я ведь это вполне серьезно, относительно миссис Хьюз.

– Право, дорогая, решительно не вижу, чем я могу помочь этой почтенной женщине. В подобного рода семейные дела лучше не вмешиваться.

– Но ведь это ужасно, что мы, на которых она работает, ничего не можем для нее сделать. Разве не так, Бианка?

– Я думаю, что, если бы мы очень сильно захотели этого, мы бы придумали, что сделать.

Голос Бианки, в котором как будто слышалась нотка недоверия к самой себе, столь типичная для современной музыки, очень подходил ко всему ее облику.

Сесилия и Стивн переглянулись. «Узнаю Бианку, она вся тут», – как будто хотели они сказать друг другу.

– Хаунд-стрит, где они живут, ужасное место.

Это сказала Тайми, и все посмотрели на нее.

– А ты откуда знаешь? – спросила Сесилия.

– Я ходила туда, чтобы увидеть все своими глазами.

– С кем ты ходила?

– С Мартином.

Губы молодого человека, чье имя она назвала, искривились в саркастической усмешке.

Хилери спросил мягко:

– И что же ты там увидела, дорогая?

– Там почти все двери настежь, и...

– Это еще ничего не говорит нам, – заметила Бианка.

– Напротив, это говорит обо всем, – сказал вдруг Мартин глубоким басом. – Продолжай, Тайми.

– Хьюзы живут на верхнем этаже в доме номер один. Это самый лучший дом на всей улице. Внизу живет семья по фамилии Баджен. Он поденный рабочий, жена у него хромая. У

них есть сын. Одну из комнат на втором этаже – ту, у которой окно на улицу, – Хьюзы сдают старику по имени Крид...

– Я знаю его, – прошептала Сесилия.

– Он продает газеты, зарабатывает один шиллинг и десять пенсов в день. Комнату с окном во двор они сдают, как вы знаете, тетя Бианка, молоденькой девушке, вашей натурщице.

– Она теперь уже не моя натурщица.

Все промолчали. Такое молчание наступает, когда никто не уверен, вполне ли безопасно развивать затронутую тему. А Тайми рассказывала дальше:

– Ее комната – самая лучшая во всем доме. И просторная, и окно выходит в чей-то сад. Я думаю, девушка решила остаться там потому, что плата за комнату очень невелика. Комнаты Хьюзов...

Она не договорила и наморщила свой прямой носик.

– Итак, жильцы того дома – это один молодой человек, одна юная девушка, две семейных пары... – проговорил Хилери и вдруг обвел взглядом поочередно всех присутствующих: молодого человека, молодую девушку... – и один старик, – добавил он тихо.

– Я бы не сказал, что Хаунд-стрит – самое подходящее место для прогулок, – заметил Стивн иронически. – Как ты полагаешь, Мартин?

– А почему бы и нет?

Стивн поднял брови и взглянул на жену. Лицо Сесилии выражало недоумение, даже как будто испуг. Все молчали. И тогда Бианка вдруг спросила:

– И что же дальше?

Вопрос этот, как почти все, что она задавала, казалось, смутил всех.

– Значит, Хьюз скверно обращается с женой? – сказал Хилери.

– Она уверяет, что да, – ответила Сесилия. – Во всяком случае, так я ее поняла. Никаких подробностей я, конечно, не знаю.

– По-моему, ей следует порвать с ним, – сказала Бианка.

Среди наступившей тишины раздался звонкий голос Тайми:

– Развода она получить не сможет, в лучшем случае добьется разрешения разъехаться с ним.

Сесилия в замешательстве встала. Эти слова внезапно раскрыли ей все ее полусознанные сомнения, касающиеся ее «дочурки». Вот что получилось оттого, что девочке позволяли слушать разговоры взрослых и водить дружбу с Мартином! Быть может, она даже слушает то, что говорит дед. Последнее предположение вызвало в Сесилии тревогу. Не зная, что хуже – отрицать свободу слова или одобрять преждевременное знакомство дочери с жизнью, – Сесилия взглянула на мужа.

Но Стивн помалкивал, чувствуя, что продолжать разговор значило бы либо выслушать назидание на тему о морали, что не очень приятно в присутствии третьих лиц, в особенности в присутствии жены и дочери; либо самому коснуться неприглядных фактов, что при данных обстоятельствах было бы столь же неуместным. Однако и он был смущен тем, что Тайми так широко осведомлена.

За окнами темнело; огонь в камине бросал мерцающий свет, освещая то одно, то другое лицо, делая их все, такие друг для друга привычные, новыми, таинственными.

Наконец Стивн нарушил молчание:

– Очень, разумеется, жаль бедную женщину, но все же лучше предоставить их самим себе: с людьми подобного сорта трудно предугадать, как все может обернуться. Никогда толком не поймешь, чего им, собственно, надо. Спокойнее не вмешиваться. Во всяком случае, этим должно заняться какое-нибудь общество.

– Но она у меня на совести, Стивн, – сказала Сесилия.

– Все они у меня на совести, – пробормотал Хилери.

В первый раз за весь вечер Бианка подняла на него глаза. Затем, повернувшись к племяннику, спросила:

– А ты что скажешь, Мартин?

Молодой человек, лицу которого отсветы огня придали цвет светлого сыра, ничего не ответил.

И вдруг среди всеобщего молчания раздался голос:

– Мне кое-что пришло в голову.

Все обернулись. Из-за картины «Тень» показался мистер Стоун. Его хрупкая фигура в грубом сером костюме, белые волосы и бородка четко вырисовывались на фоне стены.

– Это ты, папа? – сказала Сесилия. – А мы и не знали, что ты здесь!

Мистер Стоун растерянно огляделся – казалось, он и сам не подозревал об этом.

– Так что же тебе пришло в голову?

Отблеск огня из камина упал на тонкую желтую руку мистера Стоуна.

– У каждого из нас есть своя тень в тех местах, на тех улицах, – сказал он.

Послышался легкий шум голосов и движений, как бывает всегда, когда какое-либо замечание не принимают всерьез, и затем стук закрываемой двери.

Глава III

Хилери в раздумье

– А как ты действительно относишься к этому, дядя Хилери?

Хилери Даллисон, сидевший за письменным столом, повернул голову, чтобы взглянуть в лицо своей юной племяннице, и ответил:

– Дорогая моя, такое положение дел существует испокон веку. Насколько мне известно, нет ни одного химического процесса, который не давал бы отходов. То, что твой дед назвал нашими «тенями», – это отходы социального процесса. Несомненно, что наряду с одной пятидесятой частью счастливых, вроде нас, имеется и одна десятая часть обездоленных. Кто, собственно, они, эти бедняки, откуда появляются, можно ли вывести их из жалкого состояния, в каком они находятся, – все это, я думаю, очень и очень неопределенно.

Тайми сидела в широком кресле не двигаясь. Губы ее были презрительно надуты, на лбу пролегла морщинка.

– Мартин говорит, что невозможно только то, что мы считаем невозможным.

– Боюсь, что это старая мысль о горе, движимой верой.

Тайми резко двинула ногу вперед и чуть не задела Миранду, маленького бульдога.

– Ой, прости, малышка!..

Но маленький серебристый бульдог отодвинулся подальше.

– Дядя, я ненавижу эти трущобы, они просто ужасны!

Хилери опер лоб о свою тонкую руку – постоянный его жест.

– Они отвратительны, безобразны, невыносимы. И проблема от того не легче, не правда ли?

– Я считаю, мы сами создаем себе трудности тем, что придаем им такое значение.

Хилери улыбнулся:

– И Мартин тоже так считает?

– Конечно!

– Если брать вопрос шире, то основная трудность – это человеческая природа, – сказал Хилери задумчиво.

Тайми поднялась с кресла:

– По-моему, это очень гадко – быть такого низкого мнения о человеческой природе.

– Дорогая моя, не кажется ли тебе, что, быть может, люди, имеющие то, что называется «низкое мнение о человеческой природе», в сущности, более терпимы к ней, больше любят ее, чем те, кто, идеализируя ее, невольно ненавидит подлинную человеческую природу, ту, что существует в реальности?

Хилери, по-видимому, встревожил взгляд, который Тайми устремила на его доброе, приятное, чуть улыбающееся лицо с острой бородкой и высоким лбом.

– Я не хочу, дорогая, чтобы у тебя сложилось обо мне чересчур уж низкое мнение. Я не принадлежу к тем, кто заявляет, что все на свете устроено правильно, на том основании, что у богатых тоже есть свои заботы. Совершенно очевидно, что человеку в первую очередь необходим какой-то минимальный достаток, без этого мы не в состоянии ничего для него сделать, кроме как только жалеть его. Но это еще не значит, что мы знаем, как обеспечить ему этот минимум, не правда ли?

– Мы обязаны это сделать, – сказала Тайми, – больше ждать нельзя.

– Дорогая моя, вспомни мистера Пэрсси. Как ты думаешь, многие ли, принадлежащие к высшим классам, хотя бы сознают эту необходимость? Мы, у которых есть то, что я называю общественной совестью, в этом отношении стоим выше мистера Пэрсси. Но мы всего-навсего горстка в несколько тысяч по отношению к десяткам тысяч таких, как Пэрсси, а многие ли даже

среди нас готовы или хотя бы способны поступать так, как подсказывает нам наша совесть? Что бы там ни провозглашал твой дед, боюсь, что мы слишком резко разделены на классы. Человек всегда поступал и поступает как член своего класса.

– «Классы»! Это, дядя Хилери, устаревший предрассудок и только.

– Ты так думаешь? А мне казалось, что всякий класс – это, быть может, все то же самое «я», но только сильно раздутое; его со счетов не сбросишь. Вот, например, мы, ты и я, с особыми, нам присущими предубеждениями, как мы должны поступить?

Тайми глянула на него с юношеской жестокостью, как бы желая сказать: «Ты мой дядя и очень милый человек, но ты вдвое меня старше. И это, я полагаю, факт решающий».

– Ну как, надумали что-нибудь сделать для миссис Хьюз? – спросила она отрывисто.

– Что говорил твой отец сегодня утром?

Тайми взяла со стола свою папку с рисунками и пошла к двери.

– Папа безнадежен. Все, что он смог придумать, – это что нужно направить ее в «Общество по предотвращению нищенства».

Она ушла, и Хилери, вздохнув, взял перо, но так ничего и не написал.

Хилери и Стивн Даллисоны были внуками каноника Даллисона, хорошо известного как друга, а порой и советчика некоего викторианского романиста. Каноник происходил из старого оксфордширского рода, представители которого на протяжении по меньшей мере трех столетий служили церкви или государству, и сам был автором двухтомного сочинения «Сократовские диалоги». Своему сыну, чиновнику министерства иностранных дел, он передал если не свой литературный талант, то, во всяком случае, культурные традиции. И традиции эти были затем переданы Хилери и Стивну.

Получив образование в закрытой школе, а затем в Кембриджском университете, обладая если не крупными, то достаточными средствами и воспитанные в том понятии, что разговоров о деньгах следует по возможности избегать, оба молодых человека были как будто отлиты из одной и той же формы. Оба были мягкосердечны, любили развлечения на свежем воздухе и не были ленивы. Оба также были людьми цивилизованными, глубоко порядочными и питали отвращение к насилию – свойства, которые нигде так часто не наблюдаются, как среди высших классов страны, чьи законы и обычаи так же древни, как ее дороги или как стены, ограждающие ее парки. Но по мере того как время шло, то ценное качество, которое наследственность, образование, окружение и достаток воспитали в них обоих – способность к самоанализу, – проявлялось у братьев совершенно по-разному. Для Стивна оно служило чем-то предохраняющим, словно бы держало его во льду в жаркую погоду, предотвращая опасность разложения при первых же его признаках; в его натуре это качество было здоровым, почти химическим ингредиентом, связующим все составные части, позволяющим им действовать безопасно и слаженно. Для Хилери действие его оказалось иным: как тонкий, медленно действующий яд, это ценное качество – способность к самоанализу – пропитало все его мысли и чувства, проникло в каждую щелочку его души, и он становился все менее способным к четкой, определенной мысли, к решительному поступку. Чаще всего это проявлялось в форме какого-то мягкого, скептического юмора.

Однажды он сказал Стивну:

– Удивительно, что, усваивая кусочки разрубленного животного, человек приобретает способность оформить ту мысль, что это удивительно.

Стивн секунду помедлил – они сидели за завтраком в ресторане при здании суда и ели ростбиф, – затем ответил:

– Надеюсь, ты не собираешься, как наш почтенный тесть, не употреблять больше в пищу мясо высших животных?

– Напротив, я собираюсь потреблять его и в дальнейшем. Но все-таки это и в самом деле удивительно. Ты не понял моей мысли, Стивн.

Уж если человек ухитряется видеть нечто удивительное в таком простом факте, он, несомненно, зашел довольно далеко, и Стивн сказал:

– У тебя, дорогой, развивается склонность к чрезмерной умозрительности.

Хилери бросил на брата свою странную, словно бы отдаляющую улыбку: он сказал ей не только «прости, если я тебе докучаю», но также «пожалуй, поделись с тобой этим не следует». И на том разговор окончился.

Эта обескураживающая, способная положить конец беседе улыбка Хилери, которая отгораживала его от внешнего мира, была у него вполне естественной. Человек, умеющий тонко чувствовать, проведший жизнь за писанием книг и постоянно в среде людей культурных, огражденный от материальной нужды скромным, не вульгарно большим богатством, он в сорок два года был не просто деликатен, но щепетилен сверх всякой меры. Даже его собака понимала, что за человек ее хозяин. Она знала, что он не позволит себе пошлых шуток, не станет теревить ее за уши или тянуть за хвост. Она была уверена, что он не станет раздвигать ей пасть, чтобы посмотреть зубы, как делают это некоторые мужчины, а если она ляжет на спину, он нежно погладит ее по груди и притом не вызовет у нее чувства вины, как это свойственно женщинам. А когда она, вот как сейчас, сидела у камина, глядя, не отрываясь, на огонь, он никогда, даже словом, не тревожил ее, никогда ничем не нарушал приятного течения ее бездумных мыслей.

В его кабинете, где постоянно держался запах легкого табака особого сорта, подходящего для нервов человека, занимающегося литературным трудом, стоял бюст Сократа, обладавший, казалось, особой притягательной силой для хозяина кабинета. Однажды Хилери описал одному из собратьев по перу впечатление, производимое на него этим гипсовым лицом, таким монументально безобразным, как будто тот, кому оно принадлежало, познал сущность человеческой жизни, разделил со всем человечеством его жадность и ненасытность, вожделе-ние и неистовство, но вместе с тем и его тягу к любви, разуму и светлому покою.

«Он как будто зовет нас, – пояснял Хилери, – пить чашу до дна, нырять в пучины к русалкам, лежать на холмах под солнцем, вместе с рабами истекать потом, знать все и вся на свете. «Нет тебе места среди мудрых, – говорит он, – если ты не познал всего этого, прежде чем взбираться в горные выси». Вот таким кажется мне Сократ – не очень-то это окрыляет людей, подобных нам!»

В тени, падавшей от этого скульптурного портрета мыслителя, и сидел сейчас Хилери, опершись лбом о ладонь. Перед ним лежали три раскрытые книги, листы рукописи и немного сдвинутая в сторону стопка зеленовато-белой бумаги – газетные вырезки, отзывы о его последней книге.

Объяснить точно, какое место занимала литературная деятельность в жизни такого человека, как Хилери Даллисон, не легко. Он получал от нее определенный доход, не служивший ему, однако, единственным средством к существованию. Поэт, критик, автор очерков, он приобрел некоторое имя – не слишком большое, но все же имя. Его друзья время от времени обсуждали вопрос: выдержала ли бы его изысканность тяготы существования писателя, у которого нет собственного капитала? Вероятно, она устояла бы лучше, чем то предполагалось, потому что иногда он поражал тех, кто считал его дилетантом, способностью вдруг совершенно уйти в себя, скрыться, как улитка в свою раковину, для последней тщательной отработки написанного.

Но в то утро, как ни старался он сосредоточить мысли на своей работе, они все время возвращались к разговору с племянницей и к происходившему за день перед этим в студии его жены обсуждению дел миссис Хьюз, домашней швеи. Когда Стивн, Сесилия и Тайми уходили после обеда, Стивн, пропустив жену и дочь вперед, задержался у садовой ограды, чтобы подать брату последний совет:

– Никогда не становись между мужем и женой – ты ведь знаешь, что такое люди из низших классов!

И через темный сад оглянулся на дом. В одном из окон на первом этаже горел свет. Окно было открыто, и в нем виднелась небольшая зеленая настольная лампа, а рядом с ней лицо и плечи мистера Стоуна. Покачав головой, Стивн сказал вполголоса:

– А наш старый приятель-то каков, а? «В тех местах, на тех улицах...» Тут уж пахнет не просто безобидным чудачеством, бедный старикан становится почти...

И, слегка коснувшись двумя пальцами лба, он быстро пошел прочь легким, пружинистым шагом человека, умеющего обуздывать свое воображение.

Постояв с минуту среди деревьев, Хилери тоже поглядел на освещенное окно, разрывавшее темноту перед домом, и его маленький серебристый бульдог, выглядывавший из-за ноги хозяина, посмотрел туда же. Мистер Стоун стоял с пером в руке, погруженный в свои мысли, и его седая голова и борода слегка двигались как бы в такт им. Вот он подошел к окну и, очевидно, не замечая зятя, стал глядеть в темноту.

В темноте таились все очертания, все пятна света и все тени лондонской весенней ночи: темные деревья в цвету; бледная желтизна газовых фонарей, этих тусклых эмблем неуверенности в себе всякого города; раскиданные на тротуарах и легшие узорами лиловые тени крохотных листьев, словно гроздь черного винограда, втоптанного в землю ногами прохожих. Видны были и силуэты людей, спешащих к своим домам, и огромные квадратные силуэты домов, где жили эти люди. Высоко над городом дрожал светлый нимб – дымка желтого света, туманящего звезды. На противоположной стороне улицы вдоль ограды медленно и бесшумно двигалась черная фигура полисмена.

С этого часа и до одиннадцати вечера, когда автор «Книги о всемирном братстве» готовится себе какао на маленькой спиртовке, он будет попеременно то склоняться над рукописью, то бездумно вглядываться в ночь...

Внезапно на Хилери вновь нахлынули те мысли, которым он предавался возле бюста Сократа.

«У каждого из нас есть тень в тех местах – на тех улицах...»

В этом изречении было что-то навязчивое. Оставалось либо отнестись к нему юмористически, как это сделал Стивн, либо... В какой мере обязан человек отождествлять себя с другими людьми, особенно людьми слабыми, в какой мере имеет он право изолироваться от всех, держаться *integer vitae*⁴? Хилери не был так молод, как его племянница или Мартин, им все казалось просто, но он не был и так стар, как их дед, для которого жизнь уже утратила сложность.

Остро сознавая свою врожденную неспособность к решению этого, вернее, любого вопроса, за исключением разве лишь вопросов, касающихся литературного мастерства, он встал из-за стола и, кликнув Миранду, вышел из дому. Он вдруг надумал посетить миссис Хьюз на Хаунд-стрит и своими глазами увидеть, каково там положение дел. Но была еще и другая причина, почему ему хотелось пойти туда...

⁴ В стороне от жизни (*лат.*).

Глава IV

Маленькая натурщица

Когда прошедшей осенью Бианка задумала писать свою картину «Тень», никто не был так изумлен, как Хилери, когда она именно его попросила подыскать ей натурщицу. Не зная сюжета картины и уже многие годы, а может быть, даже и никогда не имея доступа в духовный мир жены, он ответил:

– А ты не хочешь, чтобы тебе позировала Тайми?

– У нее слишком прозаическая внешность, мне нужен совсем другой типаж. И затем, леди мне не годится. Фигура должна быть полуобнаженной.

Хилери усмехнулся.

Бианка прекрасно знала почему: потому что она делила всех женщин на леди и на прочих. – И она поняла также, что усмешка эта относится не столько к ней, сколько к нему самому, так как втайне он соглашался с таким делением.

Неожиданно она и сама усмехнулась.

Вся история их совместной жизни выразилась в этих двух усмешках. Они были полны смысла, они говорили о бесчисленных часах сдерживаемого раздражения, о многих неоправдавшихся надеждах и безуспешных попытках сблизиться. Они явились наивысшим, убедительнейшим доказательством полного расхождения двух жизненных путей – расхождения медленного, отнюдь не преднамеренного и тем более безнадежного, что развивалось оно так спокойно и постепенно. Между ними никогда не происходило открытых ссор, потому что оба придерживались просвещенных взглядов на брак, но они все время усмехались, усмехались так часто и в течение стольких лет, что трудно было бы представить себе людей более далеких друг другу. Усмешки эти не давали им признаться даже самим себе, до какого трагического состояния дошла их супружеская жизнь. Правда, хотя ни Бианка, ни Хилери не могли удержаться от них, усмешки не были умышленными и не имели своей целью ранить: они исходили от враждебно настроенных душ и появлялись на лицах так же произвольно, как падает на гладь воды лунный свет.

Хилери два вечера подряд провел среди своих приятелей-художников, пытаясь на основании некоторых указаний Бианки найти натурщицу для «Тени». И наконец нашел. Фамилию ее, Бартон, и адрес дал ему художник Френч, писавший только натюрморты.

– Мне она ни разу не позировала, – пояснил Френч. – Это моя сестра отыскала ее где-то в одном из западных графств. У девицы в прошлом, кажется, какая-то история. Какая именно, мне неизвестно. По-моему, она приехала сюда недавно, всего месяца три назад.

– Она уже больше не позирует вашей сестре?

– Нет, сестра вышла замуж и уехала в Индию. Не знаю, станет ли эта особа позировать полуобнаженной. Но думаю, что станет. Все равно, рано или поздно она к этому придет. Так пусть начинает теперь, тем более что позировать придется женщине. В ней есть что-то привлекательное. Попробуйте, может, подойдет.

И с этими словами Френч снова принялся за свой натюрморт, от которого его оторвал разговор с Хилери.

Хилери написал девушке, приглашая ее зайти. Она явилась в тот же день, перед самым обедом.

Хилери застал ее у себя в кабинете: она стояла посреди комнаты, словно не смея приблизиться к мебели. Уже темнело, и он едва разглядел ее лицо. Она стояла не шевелясь, всем своим видом выражая терпение; на ней была поношенная коричневая юбка, бесформенная блузка и голубовато-зеленый берет с помпоном. Хилери включил свет. Он увидел круглое личико с широкими скулами, глаза, как незабудки, короткие, черные, как сажа, ресницы и слегка рас-

крытые губы. Трудно было судить о ее фигуре в этой старой, потрепанной одежде; видно было только, что росту она среднего, что шея у нее белая, голова хорошо посажена, а волосы русые и густые. Хилери заметил, что подбородок ее, хотя и хорошей формы, слишком мал и мягок. Но что сразу бросилось ему в глаза – это ее выражение терпеливого ожидания, словно где-то за пределами настоящего она видит нечто, необязательно приятное, что непременно наступит. Не знай он от Френча, что она приехала из деревни, он принял бы ее за городскую жительницу – так она была бледна. Во всяком случае, ее внешность не казалась «слишком прозаической». Однако речь ее, с легкой картавостью, характерной для западных диалектов, звучала в достаточной мере прозаично: девушка говорила только о продолжительности сеансов и плате, которую ей положат. Посреди разговора она вдруг упала в обморок, и Хилери пришлось приводить ее в чувство печеньем и ликером, который он впопыхах принял за коньяк. Оказалось, что в последний раз она ела накануне утром, и завтрак ее состоял из чашки чая. Хилери ее пожурил и услышал такой прозаический ответ:

– Если нет денег, ничего не купишь... Мне тут не к кому обратиться, я ведь не здешняя.

– Значит, вы не могли найти работы?

– Не могла, – мрачно ответила маленькая натурщица. – Я не хочу позировать так, как им всем хочется. Уж если не останется ничего другого...

Кровь бросилась ей в лицо, но в следующее мгновение оно снова побледнело.

«Ага, – подумал Хилери, – кое-какой опыт у нее уже есть».

Ни он, ни его жена не могли оставаться равнодушными перед лицом нищеты, но филантропия их проявлялась по-разному. Хилери был просто-напросто не способен отказывать в помощи тому, кто протягивал к нему руку. А Бианка, державшаяся более здоровых взглядов в социальных вопросах, считала, что благотворительность порочна и в правильно организованном обществе никто не должен нуждаться в милостыне. Всех, кто к ней за этим обращался, она, подобно Стивну, отсылала в «Общество по предотвращению нищенства», которое не жалело ни времени, ни сил, чтобы подтвердить самые худшие свои предположения.

Но в данном случае прежде всего, конечно, необходимо было накормить бедную девушку, а уж потом выяснять, насколько сносны условия ее существования. Оказалось, что сносными их назвать нельзя, и требовалось устроить ее как-нибудь получше. А так как в благотворительных делах всегда желательно убивать одним ударом двух зайцев, тут же договорились с миссис Хьюз, домашней швеей, у которой сдавалась комнатка без мебели, – миссис Хьюз была готова получать за нее четыре, а то и три с половиной шиллинга в неделю. Подыскали и обстановку: скрипучую кровать, умывальник, стол, комод, коврик, два стула, кое-какую кухонную посуду, старые фотографии и гравюры, хранившиеся где-то в глубине шкафов, а также маленькие часы, которые иной раз забывали показывать время. Все это и еще кое-что самое необходимое из одежды было отправлено в фургончике по месту назначения вместе с тремя папоротниками, уже почти отжившими свой век, и горшком с растением, носящим название «Девичья честь». Вскоре после этого девушка пришла позировать Бианке. Она оказалась очень тихой и безропотной натурщицей, и ей даже не пришлось стоять полуобнаженной, потому что Бианка в конце концов решила, что лучше изобразить «Тень» одетой: она свободно обсуждала обнаженную натуру и могла вполне спокойно смотреть на нее, но, когда дело доходило до того, чтобы самой писать не одетых людей, ее охватывало непреодолимое физическое отвращение.

Хилери, которого маленькая натурщица интересовала, как всякого интересовал бы человек, от голода свалившийся без чувств к его ногам, заходил иной раз в студию и сидел, поглядывая на изголодавшуюся девушку добрыми, чуть прищуренными глазами. Всем своим видом он подтверждал справедливость того, что говорили о нем знакомые: «Хилери способен дать целую милю крюку, только бы не наступить на муравья». Маленькая натурщица с той самой минуты, как он влил ликер сквозь ее стиснутые зубы, почувствовала, очевидно, что он имеет какие-то права на нее, ибо только для его ушей сберегала она свои маленькие прозаические

новости. Она сообщала ему их в саду, по дороге на сеанс или после сеанса, либо останавливалась возле кабинета Хилери, а иногда и заходила в самый кабинет и держала себя, как ребенок, который пришел к взрослому показать свой ушибленный пальчик. Она могла сказать совершенно неожиданно: «Мистер Даллисон, а я за эту неделю скопила четыре шиллинга» или: «Мистер Даллисон, а старый Крид пошел сегодня в больницу».

Лицо ее, уже не такое бескровное, как в тот первый вечер, все еще было бледно и в холодную погоду покрывалось пятнами; на висках у нее проступали жилки, а под глазами лежали тени. Губы ее так всегда и оставались слегка раскрытыми, и по-прежнему казалось, что она ждет и боится чего-то; она была похожа на маленькую мадонну или Венеру с картины Боттичелли. Этот ее взгляд в сочетании с простоватостью речи придавал известную остроту всему ее облику.

В первый день Рождества к обозрению уже законченной картины были допущены мистер Пэрс, заехавший по дороге (он «прогуливал свой авто»), и другие ценители искусства. Бианка пригласила на эту церемонию свою натурщицу, рассчитывая, что таким образом поможет девушке подыскать себе новую работу. Но маленькая натурщица, сразу юркнув куда-то в угол, так и осталась стоять там, спрятавшись за старым холстом. Те из гостей, кто замечал ее и улавливал сходство с изображением на картине, с любопытством поглядывали на девушку и проходили мимо, замечая вполголоса, что она, в общем, очень интересный типаж. Заговаривать с ней они не пробовали, опасаясь, что не найдут с ней общего языка. А возможно, они боялись, как бы их обращение не показалось ей покровительственным. Так или иначе, но она промолчала весь вечер. Хилери это было неприятно. Он то и дело подходил к девушке, улыбался, вызывал ее на разговоры, шутил, но она на все отвечала лишь: «Да, мистер Даллисон» или «Нет, мистер Даллисон».

Увидев его в тот момент, когда он возвращался после одной из таких коротеньких бесед, художественный критик, стоявший возле картины, многозначительно улыбнулся, и глаза его на круглом, гладко выбритом чувственном лице приобрели зеленоватый оттенок, словно жир в черепаховом супе.

Еще два человека обратили на девушку особое внимание – старые знакомые, мистер Пэрс и мистер Стоун. Мистер Пэрс подумал: «А в общем, недурненькая девочка», и глаза его то и дело обращались в ее сторону. То, что девушка была профессиональной натурщицей, придавало ей в его глазах что-то пикантное и запретно-соблазнительное.

Мистер Стоун тоже заметил девушку, но выразил это несколько иначе. Он подошел к ней, как всегда, как-то странно, по-своему, будто видел перед собой только ее одну.

– Вы живете не в семье? – спросил он. – Я зайду к вам.

Если бы это неожиданное предложение исходило от критика или от мистера Пэрса, оно носило бы один смысл, в устах же мистера Стоуна оно, само собой разумеется, значило другое. Сказав то, что он хотел сказать, автор «Книги о всемирном братстве» отвесил поклон, повернулся и отошел. Поняв, что он ничего, кроме двери, перед собой не видит, все расступились, давая ему дорогу. За спиной его, как это бывало всегда, послышались восклицания:

– Удивительный старик!

– Вы знаете, он круглый год купается в Серпентайне.

– И говорят, сам себе готовит еду и убирает свою комнату, а все остальное время пишет какую-то книгу.

– Чудак, да и только!

Глава V

Комедия начинается

Улыбавшийся художественный критик был, как и все люди, достоин скорее жалости, нежели порицания. Ирландец по крови, человек недюжинных способностей, он вступил в жизнь преисполненный высокими идеалами и веры в то, что никогда им не изменит. Он мечтал служить искусству, служить преданно и бескорыстно, но однажды, руководимый чувством личной мести, дал волю своему желчному темпераменту и с тех пор уже не знал, когда он снова вдруг у него сорвется с цепи, как пес, который возвращается потом домой весь вымаранный в грязи. Более того, постепенно он перестал казнить себя за такие срывы. Он растерял один за другим все свои идеалы. Теперь он жил одиноко, утратив чувства стыда и собственного достоинства и черпая утешение в виски, – человек озлобленный, заслуживающий жалости и, когда навеселе, довольный жизнью.

Он уже успел обильно закусить до того, как пришел к Бианке на этот рождественский праздник, но к четырем часам винные пары, помогавшие ему воспринимать мир как вполне приятное место, почти улетучились, и его снова мучило желание выпить. А может быть, увидев эту девушку с мягким взглядом, он почувствовал, что она должна принадлежать ему, и испытывал естественное раздражение при мысли, что она принадлежит или будет принадлежать кому-то другому. Весьма вероятно также, что органическая мужская неприязнь к творениям женщин-художниц привела его в скверное расположение духа.

Два дня спустя в одной из ежедневных газеток появилась такая заметка без подписи: «Мы узнали, что в галерее Бенкокс вскоре будет выставлена картина «Тень», написанная Бианкой Стоун, являющейся, как то мало кому известно, женой писателя Хилери Даллисона. Картина эта весьма *fin de siècle* и с неприятным сюжетом: на ней изображена женщина, надо полагать, уличная, стоящая в свете газового фонаря, – произведение довольно анемичное. Если мистер Даллисон, который находит модель, служившую художнице, очень интересной, пожелает воплотить ее в одном из своих очаровательных стихотворений, результат, мы надеемся, будет полнокровнее».

Зеленовато-белый клочок бумаги, содержащий эту заметку, был вручен Хилери женой во время завтрака. Щеки его медленно залились краской; Бианка не отрывала глаз от этих покрасневших щек. Быть может, мелочи и в самом деле, как говорят философы, имеют большое прошлое, являясь лишь последними звеньями длинной цепи фактов; во всяком случае, они часто приводят к тому, что нельзя не считать серьезным результатом.

Супружеские отношения между Хилери и его женой, до сих пор носившие характер хотя бы формального брака, с этого момента резко изменились. После десяти часов вечера их жизни протекали так далеко одна от другой, как если бы они жили в разных домах. И не было сделано ни малейших попыток объясниться, не последовало ни упреков, ни оправданий: один поворот ключа в двери – и все, и даже это было лишь символом, ибо произошло только однажды, чтобы избежать грубости прямого объяснения. Подобного намека вполне хватило для такого человека, как Хилери, чья деликатность, боязнь очутиться в смешном положении и способность замыкаться в себе совершенно исключали дальнейшие слова или поступки. Оба при этом, вероятно, сознавали, что объяснять, собственно, и нечего. Анонимный *double entente*⁵ не являлся, в сущности, веским доказательством, которое могло бы послужить причиной разрыва супружеских уз. Беда лежала значительно глубже: раненое женское самолюбие, сознание, что она более не любима, – все это давно взывало к отмщению.

⁵ Двусмыслица; (здесь) двусмысленный намек (*фр.*).

Однажды утром, дня через три после этого случая, невольная виновница его явилась в кабинет к Хилери и, приняв свою всегдашнюю позу покорного терпения, выложила ему свои маленькие новости. Как и всегда, они и в самом деле были невелики, и, как всегда, от нее веяло беспомощностью – ребенок с ушибленным пальчиком. У нее нет больше работы, сказала она, она задержала недельную плату за комнату, она не знает, как теперь быть. Миссис Даллисон говорит, что она ей больше не нужна, – ну что она такого сделала, она просто не понимает! Картина окончена, это правда, но ведь миссис Даллисон обещала, что будет писать ее еще раз, для другой картины...

Хилери молчал.

...а этот старый джентльмен, мистер Стоун, заходил к ней. Он хочет, чтобы она приходила и писала под диктовку его книгу – два часа в день, с четырех до шести, по шиллингу за час. Как ей поступить: согласиться? Он сказал, что книгу свою он будет писать еще много лет.

Прежде чем ответить, Хилери целую минуту стоял молча, глядя в огонь камина. Маленькая натурщица украдкой вскинула глаза, и в этот момент он обернулся и посмотрел на нее. Девушка смутилась. И в самом деле, взгляд был критический и недоверчивый – так Хилери глядел бы на антикварную книгу, сомневаясь в ее подлинности.

– А вы не думаете, – проговорил он наконец, – что для вас, быть может, самое лучшее – вернуться в деревню?

Маленькая натурщица решительно замотала головой:

– Нет, ни за что!

– Почему же все-таки – нет? Жизнь, которую вы теперь ведете, для вас совсем не подходящая.

Девушка снова взглянула на него украдкой, потом сказала угрюмо:

– Я не могу туда вернуться.

– Почему? Ваши родные плохо к вам относятся?

Она покраснела.

– Нет, просто я не хочу туда ехать. – Поняв по выражению лица Хилери, что деликатность запрещает ему продолжать расспросы, она оживилась: – Старый джентльмен говорит, что работа у него даст мне независимость.

– Ну что ж, – ответил ей Хилери, пожав плечами. – Тогда вам, пожалуй, следует принять его предложение.

Она шла по дорожке от дома и то и дело оборачивалась, словно хотела еще раз выразить свою благодарность.

Когда Хилери немного погодя оторвался от рукописи и посмотрел в окно, девушка все еще не ушла: она стояла возле палисадника и смотрела сквозь кусты сирени на дом и вдруг легонько подпрыгнула, словно ребенок, которого отпустили из школы. Хилери встал взволнованный. Этот ребяческий жест осветил, как луч фонаря, чужую, неизвестную для него жизнь. Он остро почувствовал, как одинока эта девочка – без денег, без друзей, одна в огромном городе.

Прошли январь, февраль и март, и все это время маленькая натурщица ежедневно приходила писать под диктовку «Книгу о всемирном братстве».

В комнату мистера Стоуна – он настоял на том, чтобы самому ее оплачивать, – никто из слуг никогда не входил. Она была на нижнем этаже, и всякий, кто между четырьмя и шестью часами вечера проходил мимо ее двери, мог слышать, как старик медленно диктует, время от времени останавливаясь, чтобы произнести какое-нибудь слово по буквам. Эти два часа, как видно, посвящались переписке набело всего того, что он успевал сделать за предыдущие семь часов.

В пять часов за дверью неизменно слышался стук посуды и раздавался голосок маленькой натурщицы – ровный, негромкий, деловитый – как всегда, она делала какие-то незначительные

замечания, – а затем и голос мистера Стоуна, который тоже делал замечания, явно не имевшие никакой связи с тем, что говорила его юная приятельница. Однажды, когда дверь случайно оказалась открытой, Хилери услышал следующий разговор:

М а л е н ь к а я н а т у р щ и ц а: Мистер Крид говорит, что прежде он был лакеем. У него ужасно некрасивый нос.

(Пауза.)

М и с т е р С т о у н: В те дни люди были поглощены самосозерцанием. Их дела и занятия казались им столь важными...

М а л е н ь к а я н а т у р щ и ц а: Мистер Крид говорит, что все его сбережения ушли на докторов.

М и с т е р С т о у н: ...но это было не так.

М а л е н ь к а я н а т у р щ и ц а: Мистер Крид говорит, что его с детства приучали ходить в церковь.

М и с т е р С т о у н *(неожиданно):* С семисотого года нашей эры не существует церкви, в которую стоило бы ходить.

М а л е н ь к а я н а т у р щ и ц а: Да он и не ходит.

Заглянув в дверь, Хилери увидел девушку: пальцами, перепачканными в чернилах, она держала кусок хлеба с маслом; губы у нее были полураскрыты – она готовилась откусить, – а глаза с любопытством устремлены на мистера Стоуна; он держал в прозрачной руке чайную чашку, и неподвижный взгляд его уходил куда-то в пространство.

Однажды, уже в апреле, мистер Стоун в пять часов появился в дверях кабинета Хилери, еще издали, как обычно, возвестив о своем приближении запахами твида и печеного картофеля.

– Она не пришла, – сказал он.

Хилери положил перо на стол.

Это был первый по-настоящему весенний день, и он спросил:

– В таком случае, быть может, вы бы согласились разделить со мной прогулку, сэръ?

– Да, – ответил мистер Стоун.

Они отправились в Кенсингтонский сад. Хилери шел, чуть опустив голову, а мистер Стоун – обратив взгляд к своим далеким мыслям и выставив вперед седую бородку.

Звезды крокусов и бледно-желтых нарциссов сверкали на своих зеленых небосводах. Почти на каждом дереве ворковал голубь, на каждом кусте распевал свою песню дрозд. А на дорожках гуляли младенцы в колясочках. Здесь был их рай, и сюда они являлись ежедневно, чтобы с безопасного расстояния смотреть на маленьких перепачканных девчуток, которые сидели на траве и нянчили своих таких же перепачканных братишек, а также слушать бесконечную болтовню уличной детворы и учиться решать проблему неимущих классов. Младенцы сидели в колясочках и задумчиво сосали резиновые соски. Впереди колясок бежали собаки, позади шли няньки.

Среди деревьев реял дух Цвета, окутывая их коричневато-лиловой дымкой; солнце садилось, окрашивая небо в шафран. Стоял один из тех дней, что вызывают в сердце томление, – так же, как луна томит сердца детей.

Мистер Стоун и Хилери сели на скамью у дороги.

– Вязы... неизвестно, с какого времени они приняли вот эту свою форму, – проговорил мистер Стоун. – У них у всех одна общая душа, так же как и у людей.

Он умолк, а Хилери с беспокойством огляделся по сторонам. Но они были на скамье одни.

Мистер Стоун снова заговорил:

– Их форма и равновесие – это и есть их единая душа, они сохраняют ее неизменной от века к веку. Ради этого они и живут. В те дни... – голос его стал глуше, он просто забыл, что он не один, – когда у людей еще не было общих представлений, им следовало бы брать пример с деревьев. Вместо того чтобы пестовать множество маленьких душ, питая их различными теориями о загробной жизни, им бы следовало заниматься усовершенствованием существующих форм, и таким образом сделать более достойной единую, всеобщую человеческую душу.

– Кажется, вяза всегда считались неподатливыми деревьями, – заметил Хилери.

Мистер Стоун повернул голову и, увидев рядом с собой зятя, спросил:

– Вы, кажется, что-то сказали мне?

– Да, сэр.

Мистер Стоун продолжал задумчиво:

– Быть может, пройдемся?

Они встали со скамьи и возобновили прогулку...

Маленькая натурщица сама объяснила Хилери, почему она не пришла в тот день.

– Мне надо было кое с кем встретиться, – сказала она.

– Предлагали еще работу?

– Да, друг мистера Френча.

– Кто же именно?

– Мистер Леннард. Он скульптор, у него есть студия в Челси. Он хочет, чтобы я ему позировала.

– Ах так!

Она глянула украдкой на Хилери и повесила голову.

Хилери отвернулся к окну.

– Надеюсь, вы понимаете, что значит позировать скульптору?

За его спиной прозвучал голос маленькой натурщицы, как всегда трезво-деловитый:

– Он сказал, что у меня как раз такая фигура, какая ему требуется.

Хилери все стоял, уставившись в окно:

– Мне казалось, вы не хотели позировать обнаженной.

– Я не желаю всю жизнь оставаться нищей.

Неожиданный ответ и странный тон его заставили Хилери обернуться.

Девушка стояла в полосе солнечного света: ее бледные щеки покрылись румянцем, бледные полураскрытые губы порозовели, глаза в оправе коротких черных ресниц были широко раскрыты и глядели мятежно, округлая юная грудь вздымалась, как после долгого бега.

– Я не хочу всю жизнь только и делать, что писать под диктовку.

– Ну что ж...

– Мистер Даллисон, я не хотела... это я только так сказала, право же! Я буду делать только то, что вы мне велите, да, да!

Хилери глядел на нее критическим, недоверчивым взглядом, будто спрашивал: «Что ты такое? Подлинно редкое издание или же...?» – точно таким взглядом, каким уже смутил ее однажды.

Наконец он сказал:

– Поступайте так, как считаете нужным. Я никогда никому не даю советов.

– Я же знаю, что вы не хотите, чтобы я позировала скульптору, а раз вы не хотите, значит, и мне не хочется, я даже рада отказаться.

Хилери улыбнулся:

– Вам разве не нравится работать у мистера Стоуна?

Маленькая натурщица сделала гримаску:

– Мистер Стоун мне нравится – такой смешной старичок.

– Да, это общее мнение, – ответил Хилери, – но, видите ли, мистер Стоун считает, что это не он, а мы смешные.

Маленькая натурщица тоже слегка улыбнулась. Полоса солнечного света тянулась теперь позади нее – девушка стояла на фоне миллиона плавающих в воздухе золотых пылинок, и на мгновение Хилери почудилось: это юная Тень Весны, ожидающая, что принесет ей грядущий год.

Мистер Стоун, сказав из-за двери «Я готов», прервал их беседу...

Хотя положение девушки в доме на первый взгляд казалось укрепившимся, время от времени какой-нибудь маленький инцидент – так, пустяки, соломинки, поднятые ветром, – показывал, какие чувства скрываются за внешним дружелюбием, за той осторожной и почти извиняющейся манерой, с какой обращаются к бедным и слабым, – манерой, столь характерной для людей, обладающих тем, что Хилери называл общественной совестью. Всего за три дня до того, как он сидел в раздумье подле бюста Сократа, Сесилия, приглашенная к завтраку, бросила такое замечание:

– Конечно, никто не в состоянии разобрать папин почерк, я знаю, но почему бы ему не диктовать машинистке, а не этой девчужке? Машинистка справилась бы вдвое быстрее. Просто не понимаю.

Ответ Бианки последовал несколькими секундами позже.

– Быть может, это понимает Хилери?

– Тебе неприятно, что она приходит сюда? – спросил он.

– Нет, не очень. А что?

– По твоему тону я заключил, что тебе это неприятно.

– Я не сказала, что мне неприятно то, что она приходит работать к отцу.

– А разве она приходит еще за чем-нибудь?

Сесилия, быстро опустив глаза в тарелку, сказала, пожалуй, чересчур поспешно:

– Папа все-таки невероятно эксцентричен.

В последующие три дня в те часы, когда приходила маленькая натурщица, Хилери уходил из дому.

Вот это и было второй причиной, почему в то утро первого мая он довольно охотно пошел навестить миссис Хьюз, проживавшую на Хаунд-стрит, в Кенсингтоне.

Глава VI

Первое паломничество на Хаунд-стрит

Хилери и его маленький бульдог вступили на Хаунд-стрит с ее восточного конца. То была серая улица, застроенная трехэтажными домами одного и того же архитектурного стиля. Почти все входные двери были открыты, и на порогах младенцы и ребятишки постарше вкушали радость пасхальных праздников. Они сидели тихо, с самым апатичным видом, лишь кое-где вдруг кто-то зашумит, послышатся шлепки... Почти все дети были очень грязны; некоторые щеголяли в целых башмаках, на других были только жалкие остатки обуви, двое или трое были вовсе разуты. Много детей играло возле сточной канавы. Их пронзительные крики и лихорадочные движения навели Хилери на мысль, что принадлежность к данной «касте» требует от них особой жизненной установки: «Сегодня мы живем; завтра, если ему суждено наступить, будет таким же, как сегодня».

Не отдавая себе в том отчета, он шел по самой середине улицы; Миранда, которой еще никогда в жизни не приходилось опускаться столь низко, бежала вслед за ним и, поднимая на него глаза, казалось, говорила: «Одно условие я все же ставлю: я не вступаю здесь в разговоры ни с одной собакой».

По счастью, собак вокруг не было, зато попадалось множество кошек, и все очень тощие.

В верхних окнах домов Хилери видел бедно одетых женщин – каждая занималась каким-нибудь делом, время от времени бросая его, чтобы выглянуть в окно. Но вот Хилери дошел до конца улицы, путь ему преградила стена. Он повернул назад и, так же шагая посреди мостовой, прошел ее снова из конца в конец. Ребятишки равнодушно таращили глаза на его высокую фигуру, как видно, чувствуя, что он не принадлежит к тем, для которых, как и для них самих, не существует завтра.

Дом номер один по Хаунд-стрит был, бесспорно, украшением улицы, ибо примыкал к саду, относящемуся к дому рангом повыше. Входная дверь была, однако, не закрыта, и, потянув за обрывок веревки от звонка, Хилери вошел.

Первое, что он заметил, это запах – не то чтобы уж очень скверный, но не слишком приятный: смешанный запах стирки и крашенных стен, слегка разбавленный ароматом копченой селедки. Второе, что заметил Хилери, был его собственный серебристый бульдог, который стоял на пороге, разглядывая рыжего котенка. Это крохотное, яростно выгибавшее спину существо пришлось прогнать, чтобы дать бульдогу войти. Третье, что заметил Хилери, была низенькая хромая женщина, стоявшая в дверях одной из комнат. Скуластое лицо ее с широко раскрытыми светло-серыми глазами и темными ресницами выражало терпение; она опиралась о ручку двери, давая отдых хромой ноге.

– Не знаю, есть ли там кто наверху, – сказала она. – Я бы пошла спросила, да вот нога у меня болит.

– Да-да, я понимаю, – ответил Хилери. – Очень вам сочувствую.

– Она у меня вот уж пять лет такая, – сказала женщина, вздохнув, и хотела было уйти обратно в комнату.

– И ничего нельзя сделать?

– Раньше я думала, что можно, но, говорят, задета кость; я с самого начала запустила болезнь.

– Но почему же?

– Некогда было этим заниматься, – сказала женщина, словно оправдываясь, и вошла к себе; комната была так заполнена фарфоровыми чашечками, фотографиями, цветными открытками, восковыми фруктами и тому подобными украшениями, что для огромной кровати, казалось, не хватало места.

Простившись с женщиной, Хилери стал подниматься по лестнице. На следующем этаже он остановился. Здесь, в комнате с окном во двор, жила маленькая натурщица.

Он огляделся. Обои в коридоре были тускло-оранжевого цвета, ставень на окне оторвался, и тут тоже, все собой заполняя, царил запах краски, стирки и копченой селедки. Хилери почувствовал тошноту, какой-то внутренний протест. Жить здесь, подниматься по этим ступеням, проходить мимо засаленных, отвратительного цвета стен, ступать по этой грязной дорожке, дышать этим... И так каждый день – да нет, два... четыре... шесть – кто знает, сколько раз в день? И то чувство, которое первым привлекает или отвращает, первым, вместе с зарождением культуры тела, становится привередливым и последним изгоняется из храма чистого духа; то чувство, отшлифовке которого служит все воспитание и образование; то чувство, которое, всегда опережая человека хотя бы на один дюйм, способно тормозить развитие наций и парализовать все социальные начинания, – Чувство Обоняния – пробудило в Хилери его многовековой аристократизм, подняло рой призраков всех Даллисонов, более трех столетий служивших церкви или государству. Оно воскресило души всех привычных ему запахов, и к ним еще примешалось овейанное свежим воздухом и продушенное лавандой эстетическое чувство. Оно вызвало простую, совсем не экстравагантную потребность безупречной чистоты. И хотя Хилери знал, что анализ подтвердит одинаковость состава его крови и крови жильцов этого дома, и понимал также, что сложный запах краски, стирки и копченой селедки, в сущности, вполне безвредный запах, он тем не менее хмуро глядел на дверь в комнату маленькой натурщицы; ему вспомнилось, как поморщился носик его племянницы, когда она описывала этот дом. Сопровождаемый своим серебристым бульдогом, Хилери стал подниматься дальше по лестнице.

Когда высокая тонкая фигура Хилери, его доброе озабоченное лицо, а затем и светлые агатовые глаза собачонки, выглядывающей из-за его ног, показались у открытой двери одной из комнат верхнего этажа, их встретил только младенец, сидевший посреди комнаты в деревянном ящике. Младенец этот, очень похожий на кусочек замазки, которому природа случайно приделала пару подвижных черных глаз, был обряжен в женскую вязаную кофту, – она целиком закрывала ему ножки и ручки, так что ничего, кроме его головы, не было видно. Кофта отделяла его от древесных стружек, на которых он сидел, а поскольку он еще не постиг искусства вставать на ноги, стенки ящика отделяли его от всего остального мира. Изолированный от своего царства, подобно царю всея Руси, он сидел в полном бездействии. Его владения вмещали жалкую кровать, два стула и хромоногий умывальник, под сломанную ножку которого была подставлена старая скамеечка. Платья и верхняя одежда висели на вбитых в стену гвоздях. У камина были расставлены кастрюли, на голом сосновом столе стояла швейная машина. Над кроватью висела олеография с изображением Рождества Христова, – очевидно, приложение к рождественскому номеру какого-нибудь журнала, – а над ней штык, и под штыком чья-то безграмотная рука начертала печатными буквами на клочке грубой бумаги следующие слова: «Штыком этим заколол троих под Элендслаагте⁶ С. Хьюз». Стены были украшены фотографиями, на подоконнике стояли два поникших папоротника. Все в целом свидетельствовало об отчаянных усилиях блюсти чистоту и опрятность. Громоздкий буфет с неплотно закрытыми дверцами был набит всем тем, чему не следовало быть на виду. Окно в этом царстве младенца было плотно закрыто; пахло здесь краской, стиркой и копченой селедкой – и кое-чем другим.

Хилери посмотрел на ребенка, ребенок посмотрел на него. Глаза крохотного серого человеческого существа, казалось, спрашивали: «Ты ведь не мама?»

Хилери нагнулся и дотронулся до его щечки. Ребенок мигнул черными глазами.

«Ну конечно, ты не мама», – как будто хотел он сказать.

⁶ Поселок в Южной Африке, место одного из боев англо-бурской войны.

У Хилери сдавило горло; он повернулся и стал спускаться вниз. Остановившись возле комнаты маленькой натурщицы, он постучал и, не получив ответа, повернул ручку двери. Небольшая квадратная комнатка была пуста. В ней было достаточно чисто и аккуратно, стены оклеены сравнительно новыми обоями в розовых цветочках. Через открытое окно виднелось грушевое дерево в полном цвету. Хилери осторожно прикрыл дверь, стыдясь того, что вообще открывал ее.

На лестничной площадке, глядя на него в упор черными глазами – такими же, как у того младенца наверху, – стоял человек среднего роста, крепкого сложения, с коротко подстриженными темными волосами; его широкое скуластое лицо с прямым носом и черными усиками так загорело, что казалось коричневым. Он был одет в форменную одежду метельщика улиц: просторная синяя куртка, брюки засунуты в сапоги, доходящие до середины икр. В руках он держал фуражку.

После нескольких минут обоюдного лицемерия Хилери спросил:

– Вы, очевидно, мистер Хьюз?

– Да.

– Я заходил повидать вашу жену.

– Вот как!

– Вы, вероятно, знаете, кто я.

– Да, я вас знаю.

– К сожалению, дома у вас я не застал никого, кроме вашего ребенка.

Хьюз указал фуражкой на комнату маленькой натурщицы.

– А я думал, вы, может, ее повидать заходили, – сказал он. Его черные глаза злобно горели; в выражении лица было нечто большее, чем классовая ненависть.

Хилери слегка покраснел и, не отвечая, бросив на Хьюза испытующий взгляд, прошел мимо и стал спускаться по лестнице. Миранда не успела последовать за ним. Она стояла на верхней ступеньке, чуть приподняв лапку.

«Я не знаю этого человека, – казалось, говорила она, – но он мне не нравится».

Хьюз усмехнулся.

– Бессловесную тварь я никогда не обижу, – сказал он, – иди, иди, дворняжка!

Подстегнутая словом, которого она не предполагала когда-либо услышать в свой адрес, Миранда поспешно сбежала вниз.

«Он вел себя умышленно дерзко», – думал Хилери, шагая прочь от дома.

– «Вест-министерскую», сэр? Ах ты господи... – Костлявая дрожащая рука протягивала ему зеленоватую газету. – По такому времени года ветер прямо-таки немислимо холодный.

Перед Хилери стоял очень старый человек в очках в железной оправе, с распухшим носом, вытянутой верхней губой и длинным подбородком. Он нарочито долго возился, ища сдачу с шестипенсовика.

– Ваше лицо мне знакомо, – сказал Хилери.

– Ну еще бы. Вы же бываете в этом магазине в табачном отделе. Я частенько вижу, как вы туда заходите. А иной раз покупаете «Пэл-Мэл» у того вон парня. – Он сердито тряхнул головой, указывая влево, где стоял человек помоложе его с кипой газет цветом побелее, чем «Вестминстерская». В этом жесте старика отразились долгие годы зависти, ревности, обиды на несправедливость судьбы. «По праву это ведь газета моя, – казалось, хотел он сказать, – а ее продает такой вот парень из низов, загребает мои барыши».

– Я продаю «Вест-министерскую», – продолжал старик. – Я и сам читаю ее по воскресеньям. Газета для джентльменов, для людей высших классов, хоть, признаться, ее политические взгляды... Но посудите сами, сэр, если этот тип продает здесь «Пэл-Мэл»... – Он доверительно понизил голос. – Ведь у него столько господ покупает, а господ – я хочу сказать, настоящих господ – осталось не так-то много, чтоб мне уступить их другому.

Хилери, слушавший старика из деликатности, вдруг вспомнил:

– Вы ведь живете на Хаунд-стрит?

Старик с готовностью ответил:

– Ах, господи, да, конечно же, сэ́р! В доме номер один, и зовут меня Крид. А вы тот самый господин, к которому девушка ходит переписывать книгу.

– Она не мою книгу переписывает.

– Ну да, она ходит к старому господину. Я знаю его. Он однажды заходил ко мне. Пришел как-то в воскресенье утром. «Вот вам фунт табаку, – говорит. – Вы прежде были лакеем? Через пятьдесят лет лакеев больше не будет». И ушел. Он, видать, не совсем... – Дрожащей рукой старик постучал себя по лбу.

– Семья по фамилии Хьюз живет, кажется, в одном с вами доме?

– У них-то я и снимаю комнату! Вчера тут одна дама все выпрашивала меня про них. Может статься, это ваша супруга, сэ́р?

А глаза старика в то же время как будто обращались с речью к мягкой фетровой шляпе Хилери: «Да-да, мы видели таких, как вы, и в самых лучших домах. Вас принимают там за вашу ученость, и вы умеете вести себя так, как оно и следует настоящему джентльмену».

– Это, очевидно, была моя свояченица.

– Ах, господи! Она уж сколько раз покупала у меня газету. Настоящая леди, не из тех, кто... – Он опять перешел на доверительный тон. – Вы понимаете, что я хочу сказать, сэ́р? Не из тех, кто покупает готовые вещи в таких вот огромных магазинах. Ее я хорошо знаю!

– Тот старый джентльмен, что заходил к вам, – ее отец.

– Да ну? Вот какое дело...

Старый лакей умолк, как видно, в замешательстве.

Брови Хилери начали проделывать сложные эволюции – верный признак того, что он собирается подвергнуть испытанию свою деликатность.

– Как... как относится Хьюз к девушке, которая живет в комнате, соседней с вашей?

Бывший лакей ответил угрюмо:

– Она слушает моего совета и ни в какие разговоры с ним не вступает. Уж и вид у этого Хьюза! Право, какой-то чужак. Не знаю, откуда только он такой взялся.

– Он, кажется, был солдатом?

– Говорит, что да. Он ведь работает в приходском управлении. А когда напьется, тут уж для него и впрямь ничего святого нет. И уж и на аристократию-то нападает, и на церковь, и на всякие учреждения. Таких солдат мне еще не доводилось встречать. Право, что чужак. Говорят, он из Уэльса.

– Какого вы мнения о той улице, где живете?

– Я ни с кем не якшаюсь. Улица, прямо сказать, для простонародья, люди на ней все невысокого сорта – нет в них никакой почтенности.

– Вот как!

– Все эти домишки попадают в руки к очень уж маленьким людям. Им наплевать на все, только б получать плату с жильцов. Да что с них и требовать-то? Уж очень простецкая публика, выкручиваются, как могут. Говорят, таких домишек в Лондоне тысячи. Болтают, будто их собираются сносить, да это все ерунда. Ну, где возьмешь для этого столько денег? Те, что сдают домишки, сами нищета, им даже не по карману стены-то обоями оклеить. А настоящие-то хозяева – крупные домовладельцы, – ну, они уж, конечно, ничуть не интересуются тем, что творится у них за спиной. Есть такие неучи, вроде этого Хьюза, которые несут всякую чепуху об обязанностях домовладельцев. Да ведь нельзя же, чтобы аристократы – и вдруг занимались такими делами! У них свои заботы, у них поместья. Я живал у таких, все об этом знаю.

Маленький бульдог, которому причиняли беспокойство прохожие, улучил момент и стал бить хвостом по ногам бывшего лакея.

– Ох, господи! Это еще что такое! А ты не кусаешься? Эй ты, барбос!

Миранда поспешила встретиться взглядом с хозяином. «Видишь, что может случиться с леди, если она слоняется по улицам», – казалось, говорила она.

– Должно быть, тяжело стоять здесь целый день, особенно после той жизни, которую вы вели прежде?

– Я жаловаться не смею. Эта работа спасла меня.

– Вам есть где укрыться от непогоды?

И снова бывший лакей почтил его своим доверием:

– В дождливые вечера мне иной раз разрешают стоять вон там, под аркой; они-то знают, что я человек почтенный. Тому вон, – он кивнул в сторону своего конкурента, – это, уж ясно, позволить нельзя либо вон тем мальчишкам, которые только мешают уличному движению.

– Я хотел спросить вас, мистер Крид, можно ли чем помочь миссис Хьюз?

Тощее тело старика даже тряслось от негодования, когда он отвечал:

– Если правда то, что она говорит, то я на ее месте давно бы потащил его в суд, честное слово. Я бы потребовал разрешения разъехаться с ним и ни за что не стал бы жить с ним под одной крышей. Вот что ей следовало бы сделать. А если б он и после этого не угомонился, я б его запрятал за решетку, пусть бы даже он сперва убил меня. Терпеть не могу таких типов. Еще только сегодня утром он оскорбил меня.

– Тюрьма – это страшная мера, – сказал Хилери тихо.

Старик ответил решительно:

– На таких молодчиков только так и найдешь управу. Под замок – и держать, пока не взвоят.

Хилери хотел было ответить, но вдруг заметил, что стоит один. На краю тротуара в нескольких шагах от него Крид, запрокинув лицо, крепко прижимал к груди пачку второго выпуска «Вестминстерской газеты», которую ему только что сбросили с тележки.

«Ну что ж, – подумал Хилери, отходя. – Он-то уж по крайней мере имеет обо всем вполне определенное мнение».

Рядом с Хилери, упрямо сжав челюсти, семенил маленький бульдог. Он смотрел вверх и, казалось, говорил: «Давно пора было расстаться с этим человеком действия!»

Глава VII

Раскиданные мысли Сесилии

Миссис Стивн Даллисон сидела у себя в будуаре за старым дубовым бюро и старалась привести в порядок свои мысли. Они были раскиданы перед ней и на листках именной бумаги, начинаясь словами «Дорогая Сесилия» или «Миссис Таллентс-Смолпис просит», и на кусочках картона, вверху которых стояло название театра, картинной галереи или концертного зала, и на клочках бумаги уже не столь высокого качества, где первые слова были «Дорогой друг», а последнее – название какого-нибудь широко известного места, например «Уэссекс», чтобы изложенная после обращения просьба не вызвала подозрений. Помимо всего этого, перед миссис Даллисон лежали листы ее собственной именной бумаги, озаглавленные «Кенсингтон, Олд-сквер, 76», и две записные книжечки. Одна из них была переплетена в мраморную бумагу, и на ней стояло: «Прошу беречь эту книжку», а на другой, переплетенной в кожу какого-то окончившего свой век зверька, было написано только одно слово: «Визиты».

На Сесилии была шелковая сиренево-голубая блузка с длинными рукавами, которые вовсе скрывали бы тонкие кисти рук, если бы не застегивались у запястья на серебряные пуговицы в форме розочек. Сесилия слегка хмурила лоб, будто недоумевая, о чем, собственно, ее «мысли». Она сидела здесь каждое утро, перебирая их и разнося по своим записным книжечкам. Только благодаря такой кропотливой работе и она сама, и ее муж, и дочь могли быть в курсе всех новых течений. А так как нужно было следить за тем, чтобы в курсе нового быть ровно настолько, насколько это считалось необходимым, у Сесилии почти ежедневно разыгрывалась мигрень. Ибо страх, как бы не упустить одну новинку или не уделить слишком много внимания другой, был для нее вполне реальным. Столько встречалось интересных людей, столько было и у нее, и у Стивна всяких знакомств, которые ей хотелось бы поддерживать, что было чрезвычайно важно не поддерживать одного за счет остальных. Да еще нужно было оставаться женственной, и это, при необходимости шагать в ногу с веком, не на шутку утомляло ее. Иногда она с завистью думала о той великолепной изоляции, какой добилась Бианка, – что это было именно так, она знала не с чьих-либо слов, а скорее интуитивно. Но Сесилия думала так нечасто, потому что была преданным созданием, Стивн и заботы о его комфорте всегда стояли у нее на первом месте. И хотя порой ее раздражало, что «мысли» приходят и приходят с каждой почтой, она, в сущности, раздражалась не так уж сильно, едва ли более, чем персидская кошечка у нее на коленях, которая тоже сидела часами, стараясь поймать собственный хвост; и у нее тоже на лбу пролегла морщинка, а щеки были немного втянуты.

Решив наконец, какие именно из концертов она вынуждена пропустить, уплатив свой взнос в «Лигу борьбы с консервированным молоком» и приняв приглашение посмотреть, как из воздушного шара будет падать человек, Сесилия задумалась. Потом, обмакнув перо в чернила, написала:

«Хай-стрит, Кенсингтон

Господам Розу и Торну.

Миссис Стивн Даллисон просит доставить ей на дом голубое платье, купленное ею вчера, немедленно, без переделки».

Нажимая кнопку звонка, она подумала: «Вот и работа для бедняжки миссис Хьюз. Надо полагать, она сделает все не хуже, чем у Роза и Торна».

– Пожалуйста, попросите ко мне миссис Хьюз, – сказала она. – Ах, это вы, миссис Хьюз! Входите же!

Швея прошла на середину комнаты и стояла, опустив натруженные руки; в ее больших карих глазах не было ничего, кроме покорного терпения. Она была загадочным существом. Ее присутствие всегда вызывало в Сесилии что-то вроде досады, как будто она видела перед собой женщину, какой могла бы быть и сама, если бы не ряд мелких случайностей. Сесилия так остро сознавала, что должна сочувствовать миссис Хьюз, так стремилась показать, что их не разделяют никакие барьеры, так хотела быть хорошей, что уже не говорила, а почти мурлыкала.

– Ну, как наши портьеры, миссис Хьюз?

– Хорошо, мэм, спасибо, мэм.

– На завтрашний день я приготовила вам еще другую работу, переделку платья. Завтра вы прийти сможете?

– Да, мэм, спасибо, мэм.

– А как ваш маленький? Здоров?

– Да, мэм, спасибо, мэм.

Наступило молчание.

«Нет смысла говорить с ней о ее домашних делах, – подумала Сесилия. – Не то чтоб мне это было безразлично...»

Но молчание действовало ей на нервы, и она быстро спросила:

– Как ваш муж? Лучше ведет себя теперь?

Ответа не последовало. Сесилия увидела, что по щеке женщины медленно скатывается слеза.

«О боже мой, вот бедняжка! – подумала Сесилия. – Теперь уж отступить нельзя».

– Он ведет себя очень дурно, мэм, – сказала вдруг швея почти шепотом. – Я хотела поговорить с вами. Все началось с тех пор, как эта девица... – Лицо ее приняло жесткое выражение. – С тех пор как она сняла у меня комнату. Он теперь только и делает... только и делает, что не обращает на меня внимания.

У Сесилии приятно екнуло сердце – естественная реакция, когда речь заходит о чьей-то любовной драме, как бы ни была она печальна.

– Вы имеете в виду маленькую натурщицу? – спросила она.

Швея ответила взволнованно:

– Я не хочу наговаривать на нее, но она приворожила его, приворожила – и все тут. Он только и говорит, что о ней, и все болтается возле ее комнаты. Вот потому-то я и была не в себе, когда мы в тот день с вами встретились... А со вчерашнего утра, после того как приходил мистер Хилери, он мне все грубит, и он толкнул меня, и... и...

Губы ее уже не могли более выговорить ни слова, но так как в присутствии людей вышестоящих плакать не полагалось, вместе с последними словами она проглотила и слезы; в ее тощей шее как будто двигался вверх и вниз какой-то комок.

При упоминании имени Хилери Сесилия вместо приятного волнения вдруг почувствовала нечто другое: любопытство, страх, обиду.

– Я вас не совсем понимаю, – сказала она.

Швея перебирала складки платья.

– Конечно, я тут ни при чем, что он так грубит. И я, конечно, не хочу повторять все те гадости, которые он говорил о мистере Хилери, мэм. Он прямо с ума сходит, как только заговорит об этой девчонке...

Последние слова она произнесла почти злобно.

Сесилия уже готова была сказать: «Достаточно, прошу вас. Я больше не хочу ничего слушать», но любопытство и непонятный, неясный страх заставили ее вместо этого повторить:

– Я не понимаю. Вы хотите сказать, что ваш муж позволил себе заявить, будто мистер Хилери имеет какое-то отношение к этой девушке? Или я поняла вас неверно?

Про себя она подумала: «По крайней мере я сразу оборву это».

Лицо швеи было искажено, так она силилась овладеть своим голосом.

– Я ему толкую, мэм, что, с его стороны, очень дурно говорить такие вещи, я знаю, мистер Хилери очень добрый господин. Да и какое, говорю, тебе дело, у тебя есть своя жена и двое детей... Я видела его на улице, он ее выслеживал, все бродил возле дома миссис Хилери, как раз когда я работала там... поджидал эту девицу... Потом шел за ней... до самого дома...

И опять губы ее отказались произнести еще хотя бы слово, и опять она могла только проглотить слезы.

«Надо непременно сообщить Стивну, – подумала Сесилия. – Этот Хьюз опасный человек». Сердце ее, которому всегда было так тепло и уютно, сжалось, смутное беспокойство и страх поднялись в ней с еще большей силой: она как будто увидела вдруг, что темный лик чужой, грязной жизни глядит на семейство Даллисонов. Тут снова раздался голос швеи; она заговорила быстро, как будто боясь остановиться:

– Я ему сказала: «О чем ты думаешь? И это после того, как миссис Хилери была так добра ко мне?» Но он совсем как сумасшедший, когда напьется, и он говорит, что пойдет к миссис Хилери...

– К моей сестре? Зачем это? Вот негодяй!

Услышав, что чужая женщина называет ее мужа негодяем, миссис Хьюз покраснела, лицо ее задрожало, по нему промелькнула тень обиды. Разговор этот уже успел произвести перемену в отношениях между двумя женщинами. Теперь каждая из них как будто знала точно, в какой мере она может довериться другой и сколько можно получить от нее сочувствия, как если бы жизнь вдруг разогнала туман и они увидели, что находятся по разные стороны глубокого рва. В глазах миссис Хьюз было выражение, характерное для тех, кто уже знает, что не следует огрызаться, иначе можно утратить и те скромные позиции, которые отведены тебе жизнью. А глаза Сесилии смотрели холодно и настороженно. «Я сочувствую вам, – казалось, говорили они, – я сочувствую, но прошу понять, что вы не можете рассчитывать на сочувствие, если ваши семейные дела начнут компрометировать членов моей семьи». Главной ее мыслью теперь было избавиться от этой женщины, которая невольно выдала, что лежит за ее тупым, упрямым терпением. Это не было черствостью со стороны Сесилии, но лишь естественным результатом того, что ее разволновали. Сердце ее билось, как испуганная птица в золоченой клетке, завидевшая вдали кошку. Однако она не утратила своей благоразумной практичности и спокойно сказала:

– Вы мне, кажется, говорили, что ваш муж был ранен в Южной Африке. Мне думается, он не совсем... Я полагаю, вам следует обратиться к врачу.

Ответ швеи, медленный и деловитый, пугал еще больше, чем бурный взрыв ее чувств:

– Нет, мэм, он не сумасшедший.

Подойдя к камину, сиренево-голубой кафель для которого ей пришлось так долго разыскивать, Сесилия стояла под репродукцией картины Боттичелли «Весна», смотрела на миссис Хьюз и не знала, что делать. Сонная кошечка, потревоженная на груди хозяйки, не отрываясь, глядела ей в лицо, будто хотела сказать: «Обрати на меня внимание, я стою этого: я такая же, как ты и все то, что тебя окружает. Мы обе с тобой элегантны и вполне изящны, обе любим тепло и котят, обе не любим, когда нас глядят против шерсти. Тебе долго пришлось искать, чтобы найти такое совершенство, как я. Ты видишь эту женщину. Сегодня я сидела у нее на коленях, когда она подшивала твои портьеры. Она не имеет права быть здесь, она не то, чем кажется, она умеет кусаться и царапаться, я знаю. Колени у нее жесткие, а из глаз капает вода. Она промочила мне всю спинку. Смотри, будь осторожна, не то она и тебе спинку промочит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.